

Максим Кулагин

Вихрь-Фронтальная дорожка

2024/05/06 11:07

Часть 2

ТЕСП
POVA Neo 2

Максим Кулагин

Вихрь Фронтальная дорожка часть 2

«Автор»

2026

Кулагин М.

Вихрь Фронтная дорожка часть 2 / М. Кулагин — «Автор»,
2026

продолжение напряжённой военной истории о бойце с позывным Вихрь, для которого фронт — это не просто линия на карте, а вихрь событий, где каждый шаг может стать решающим. Во второй части ставки становятся выше: группа Вихря получает особо сложное задание, которое проверит на прочность не только боевую выучку, но и человеческие связи внутри отряда. На фоне ожесточённых боёв, ночных переходов и внезапных засад раскрывается личная драма героя: воспоминания о доме, тяжесть ответственности за жизни товарищей и мучительный выбор между долгом и собственными страхами. Сквозь грохот обстрелов и минуты редкой передышки проступает главное: даже в самом жестоком вихре войны человек ищет опору в верности, товариществе и надежде на возвращение. Сможет ли Вихрь удержать равновесие и привести своих ребят назад — или фронт перепишет все планы

© Кулагин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	9
Глава 5	10
Глава 6	11
Глава 7	12
Глава 8	13
Глава 9	14
Глава 10	15
Глава 11	16
Глава 11(продолжение)	18
Глава 12	20
Глава 13	22
Глава 14	24
Глава 15	26
Глава 16	28
Глава 17	30
Глава 18	32
Глава 19	35
Глава 20	38
Глава 21	39
Глава 22	42
Глава 23	44
Глава 24	46
Глава 25	47
Глава 25(продолжение)	48
Глава 26	50
Глава 27	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Максим Кулагин

Вихрь Фронтальная дорожка часть 2

Глава 1

После неровного сна

Ночь не принесла тишины. Она принесла то странное состояние, когда ты не спишь и не бодрствуешь, а словно зависишь где-то между, в сером полумраке, где звуки не имеют источника, а мысли — направления.

Вихрь лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел в потолок подвала. Трещина в бетоне бежала по стене, как молния, застывшая на полпути к земле. Он уже знал эту трещину наизусть — за четыре дня, что группа стояла в посёлке, она стала ему ближе, чем некоторые лица.

— Не спится? — голос Седого пришел из темноты, тихий, почти бытовой, будто они не в подвале, а на рыбалке.

— Спитесь, — ответил Вихрь. — Только сон не тот.

Седой хмыкнул. За ним послышался шорох — он перевернулся на бок, устраиваясь поудобнее на тонком пеноматрасе. Через минуту его дыхание выровнялось. Спал он всегда быстро, как падал в обморок. Завидовал Вихрь этой способности — словно выключатель в голове.

Вихрь закрыл глаза. За стеной глухо бубнил## — старенький «Дегень» с давно сбитыми настройками, кто-то из соседней группы слушал новости. Слова не разбирались, но тон был знакомый — ровный, усталый, с той особенной интонацией дикторов, когда они читают сводки, к которым давно привыкли.

Он подумал о доме. Не о доме как здании — о доме как запахе. Машины блины на кухне, отцовский гараж, где пахло машинным маслом и старым железом. Запах дедовой бани — берёзовый веник, жар, от которого перехватывает дыхание. Эти запахи возвращались к нему только перед сном, когда тело теряло напряжение и разум отпускало поводок.

Уснул он так и не заметив.

Глава 2

Утро началось с Булата.

Булат был человеком, который будил остальных не голосом, а делом — звоном котелка, шуршанием пайка, тихим лязгом ложки о край. Этот звук работал лучше любого будильника: организм, приученный к режиму, просыпался раньше сознания.

— Чай, — Булат протянул Вихрю жестяную кружку. Кипяток был мутноватый, со вкусом ржавчины и чего-то цветочного — где-то Булат раздобыл веточку сухой мяты и теперь варил её с торжественным видом, будто не мяту, а баранью ногу готовил.

— Где взял? — Вихрь принялся.

— Вон, у дома на клумбе росла. Бабка местная, наверное, растила. — Булат вздохнул. — Я аккуратно срезал. Уж она не обидится.

— Бабка уехала ещё в первую неделю, — сказал Седой, присаживаясь рядом. Он выглядел отдохнувшим, и это было редкостью. — Вместе с мятой, наверное, собиралась.

Булат ничего не ответил, только подлил ему тоже.

Вихрь пил мелкими глотками и смотрел на карту, расстеленную на ящике из-под боеприпасов. Карта была потёртая, в сгибах, с карандашными пометками, которые они наносили каждый день, корректируя обстановку. Красный кружок — их позиция. Три синих стрелки — предполагаемые маршруты. И вопросительный знак у перекрёстка, который они не могли взять под контроль уже вторые сутки.

— Командир вызывает, — в подвал спустился Леха Малой, самый молодой в группе, восемнадцать, но выглядел на все двадцать пять. Щёки втянутые, глаза серые, внимательные, голос тихий, как будто боялся сказать лишнее. — Через час. Говорит, задача будет.

Леха стоял в проёме, переминаясь с ноги на ногу, и было видно, что он хочет что-то добавить, но не решается. Вихрь кивнул ему — мол, садись, пей. Леха присел, обхватил кружку обеими ладонями, как дети держат кружку в первый класс первый день.

— Нервничаешь? — спросил Булат.

— Не, — быстро ответил Леха. И через паузу: — Просто не спал.

Никто не стал уточнять, почему.

Глава 3

Перекрёсток

Перекрёсток был простым — две грунтовые дороги, пересекавшиеся под небольшим углом, образуя неровный крест. С севера — садовые участки с покосившимися заборами. С юга — поле, кое-где перерезанное оврагами. С востока — разрушенный дом, от которого остался только фундамент и часть стены с облупившейся штукатуркой. С запада — небольшой лесок, густой, непроходимый для техники, но удобный для пешего перехода.

Для командования перекрёсток был точкой на карте. Для Вихря — местом, где решалось, пройдёт ли колонна снабжения или застрянет на минном поле. Для Булата — просто открытым участком, на котором не хотелось бы оказаться днём.

Они выдвинулись в пятом часу утра, когда небо ещё было серым, а трава — мокрой. Леха шёл первым, за ним Вихрь, потом Седой и Булат замыкал. Так построились по молчаливому уговору: Леха вперёд, потому что зрение у него острее, Седой и Булат сзади — потому что если что, они успеют отреагировать.

До перекрёстка было полтора километра. Пошли не по дороге, а параллельно, по краю оврага, где трава стояла стеной и где ноги проваливались в мягкий чернозём, оставляя глубокие следы.

— Тихо стало, — прошептал Леха, когда они остановились у кромки садовых участков.

И Вихрь почувствовал это тоже. Тишина была не обычная, утренняя, в которой слышно птиц и ветер. Она была плотной, как вата, и в ней не было ничего живого. Ни собак, ни петухов, ни далёкого гула дороги. Только ветер трепал траву и гнул подсолнухи на чьём-то заброшенном огороде.

— Значит, рядом кто-то есть, — сказал Седой. Он говорил это без страха, как факт, как если бы сказал «значит, будет дождь».

Вихрь присел на корточки, достал бинокль и начал осматривать перекрёсток. Дом с одной стеной стоял мёртво, как памятник. Огороды заросли — за месяц без ухода бурьян поднялся по пояс. На самой дороге — свежие следы гусениц, ещё не размытые дождём.

— Проехали ночью, — Вихрь указал на следы. — Бронетехника. Один комплект. «Урал» или что-то подобное.

— Или минировали, — сказал Булат.

— Или минировали, — согласился Вихрь.

Он посмотрел на Леху. Леха стоял неподвижно, и глаза у него стали не серые, а почти прозрачные. Он прислушивался — не ушами, а чем-то другим, что невозможно объяснить и невозможно научить. Это либо есть, либо нет.

— Справа, — прошептал Леха. — В доме. Движение.

Вихрь перевёл бинокль. Часть стены, облупившаяся штукатурка, пустой оконный проём. И — да, там, в тени, что-то мелькнуло. Тень в тени. Не ветер, не животное. Человек.

— Один? — спросил Седой.

— Не вижу больше, — Леха помолчал. — Но ощущение, что не один.

Вихрь опустил бинокль и несколько секунд просто смотрел перед собой. Это был момент, от которого потом не отмахнёшься — решение, принятое в тишине, а потом проверенное в шуме. Он взвесил всё быстро, как всегда: перекрёсток нужен им сегодня, следы свежие, в доме кто-то есть, времени на долгий подход нет.

— Идём по огородам, — сказал он. — Леха и я — к дому. Седой и Булат — по флангу, вон к тем подсолнухам. Если из дома выходят — мы слева, они справа. Связь — только знаками. Рацию не включать.

Они кивнули. Никто не спорил, не уточнял. Это была не смелость и не покорность — это было доверие, выработанное за недели, когда каждый узнал, как другой думает, дышит, молчит.

Вихрь тронулся первым.

Глава 4

Дом с одной стеной

Огороды были тяжёлыми. Бурьян цеплялся за ноги, мокрая трава холодила колени, и каждый шаг давался с усилием. Вихрь двигался пригнувшись, почти на четвереньках, держа автомат перед собой, стволом вниз, как учили ещё в учебке — не вверх, не вбок, а вниз, чтобы не выдать себя бликом.

Леха шёл за ним, точно повторяя его маршрут, ставя ноги в те же ямки, что и Вихрь. Это тоже было безоговорочное правило: в группе первый прокладывает, второй наследует. Так меньше следов и меньше шума.

До дома оставалось метров тридцать, когда Вихрь услышал голос.

Он не разобрал слов — только интонацию. Говорили тихо, но не шёпотом, а обычным приглушённым голосом, каким говорят, когда не ожидают посторонних. Один голос, потом второй, короткая фраза. Потом смех — короткий, сдавленный, как кашель.

Вихрь лёг. Леха лёг рядом. Они лежали в бурьяне, и Вихрь чувствовал, как колотится сердце — не от страха, а от сдерживания, когда тело хочет действовать, а разум говорит: лежи, слушай, жди.

Он поднял руку — три пальца. Трое. Леха кивнул.

Потом — звук, который Вихрь узнал раньше, чем понял, что это. Звякнул котелок. Металл о металл. Кто-то в доме готовил еду.

Вихрь выдохнул. Люди, которые готовят еду на позиции, либо уверены в своей безопасности, либо настолько устали, что им всё равно. И то, и другое — в их пользу.

Он подал знак Лехе: обход слева, к оконному проёму. Сам двинулся вправо, к углу, где стена ещё держалась, давая хоть какое-то укрытие.

Тридцать метров. Двадцать. Десять.

У угла он остановился, прижавшись спиной к бетону. Стена была холодной, шершавой, и через неё слабо ощущался запах дыма — дымили чем-то сухим, может, досками от забора. Вихрь выглянул.

Внутри, на полу, на куске брезента сидели трое. Один — пожилой, бородатый, в камуфляже, который сидел на нём мешковато, будто с чужого плеча. Второй — молодой, щуплый, с автоматом на коленях, дремал, уронив голову на грудь. Третий — средних лет, в обычной одежде, в телогрейке, варил что-то на маленькой сухой горелке, и от горелки шёл тонкий дымок, почти невидимый.

Оружие — два автомата и что-то ещё, прислонённое к стене, накрытое тряпкой. Не военные. Внешне — не военные. Может, местные, может — другие. Вихрь не стал гадать. Он отступил за угол и достал рацию.

Три коротких нажатия. Занять позицию, огонь не открывать.

Ответ от Седого — два нажатия. Принял.

Вихрь посмотрел на Леху. Леха сидел у оконного проёма, и лицо его было напряжённым, но спокойным. Он ждал.

Глава 5

Переговоры

Вихрь принял решение за секунду — так же быстро, как принимал все решения, за которые его потом называли Вихрем. Но это решение было другого рода.

Он убрал автомат за спину и вышел из-за угла.

— Стоять, — сказал он негромко. — Не стрелять. Свои.

Это было рискованно. Это было, по сути, безумие — выходить без оружия к троим незнакомым в разрушенном доме на перекрёстке, который вторые сутки не давал покоя никому. Но Вихрь знал то, чего не знали другие: иногда движение вперёд работает лучше, чем выстрел.

Бородатый вскочил. Молодой проснулся и вскинул автомат — рука дрожала, но вскинул. Третий, у горелки, не двинулся. Он поднял глаза на Вихря, и в этих глазах была не злость и не страх — усталость. Бесконечная, глубокая усталость человека, который слишком долго находится не там, где хотел бы быть.

— Кто свои? — спросил бородатый. Голос хриплый, с акцентом, не местным.

— Вихрь, группа Седого. А вы?

Пауза. Бородатый посмотрел на своих, потом на Вихря.

— Сорока, — сказал он наконец. — Мы местные, ополчение. Нас тут четверо было, один ранен. Вчера увезли.

— Кто увёз?

— ваши, — Сорока выдохнул это слово так, будто оно было длиннее, чем на самом деле.

— Мы тут с весны сидим. Перекрёсток держим. Ждали, когда подойдут.

Вихрь молчал, и это молчание было не паузой — это было вычислением. Он смотрел на Сороку, на молодого с дрожащим автоматом, на третьего у горелки, и думал: они не враги. Они не армия. Они — мужики, которые взяли в руки оружие и сидят в разрушенном доме, потому что больше некуда.

— Перекрёсток нужен нам, — сказал Вихрь. — Колонна пойдёт сегодня.

— Знаем, — Сорока кивнул. — Потому и сидим. Чтобы было кому дорогу показать.

Глава 6

Мина

Булат нашёл её случайно.

Они с Седым обходили западный фланг, проверяя кустарник и кюветы, когда Булат оступился и, чтобы удержать равновесие, схватился за куст. Куст подался — но корень его уходил не в землю, а в странную, слишком ровную бугорчатость под слоем травы.

— Стой, — сказал Булат. Голос его изменился, стал глухим, как из-под воды.

Седой замер.

Булат медленно опустился на колени и раздвинул траву. Под ней, в ровном углублении, лежал плоский зелёный диск размером с блюдце. Противопехотная мина. Не наша, не ихняя — один из тех образцов, которые гуляют по обеим сторонам без опознавательных знаков, как бездомные собаки.

— Не трогай, — Седой лёг рядом. — Отойди.

— Я и не трогал, — Булат встал, отступил на два шага. Руки не дрожали, но лицо побледнело — не от страха, от адреналина, который ещё не успел дойти до конечностей.

— Сколько их тут? — Седой смотрел на землю с выражением, которое бывает у людей, когда они понимают, что стоят посреди чего-то, чего не видят.

Они вызвали сапёров. Сапёр прибыл через час — немолодой, спокойный, с руками хирурга и лицом человека, который считает мины так же буднично, как другие считают сдачу в магазине.

— Семь штук, — сказал он, закончив. — Три на дороге, четыре по обочине. Ставили недавно, на скорую руку, но грамотно.

— Кто?

— А кто их знает, — сапёр пожал плечами. — Сейчас все умеют.

Глава 7

Колонна

Колонна пришла в третьем часу дня.

Сначала — звук, далёкий, мерный, как пульс. Потом — пыль, поднятая над дорогой, повисшая в воздухе, как занавес. Потом — сами машины: три «Урала» и БТР в голове, ещё один в хвосте.

Вихрь стоял на перекрёстке, рядом с Сорокой, и смотрел, как колонна втягивается на грунтовую дорогу. Лека сидел на броне БТРа и махал им, и лицо его было счастливым, как у мальчишки, который увидел поезд.

— Везут снаряды? — спросил Сорока.

— Не знаю, — ответил Вихрь. — Не моё.

— Угу, — Сорока кивнул. — Не наше, в общем.

Они помолчали. Колонна прошла мимо, и пыль осела на их лицах, на одежде, на оружии, и все стали одинаково серыми — словно стёрлись различия, которые в обычной жизни разделяют людей на своих и чужих.

— Пойдём, — сказал Вихрь. — Дорога дальше.

Сорока посмотрел на него.

— Ты точно Вихрь?

— Почему спрашиваешь?

— Потому что вихрь — это когда всё кружится, а ты стоишь. Только почему-то все вокруг думают, что это ты кружишься.

Вихрь не ответил. Он поправил автомат и зашагал вперёд, по дороге, которую только что расчистили.

Глава 8

Вечер

Вечером сидели все вместе — Вихрь, Седой, Булат, Леха, Сорока и его двое. Горелка гудела тихим синим пламенем, и на ней в закопчённом котелке булькала перловка с тушёнкой — Булат готовил, и Булат готовил всегда, потому что считал, что еда — это единственное, за что в группе не ругают.

Леха сидел у огня и грел руки. Молодой из группы Сороки — его звали Стёпка, хотя ему было уже двадцать три, но щёки круглые и нос веснушчатый делали его мальчишкой — рассказывал про свой посёлок, про школу, про собаку, которую оставил дома и которая, наверное, до сих пор каждое утро садится у двери и ждёт.

— Она сурков гоняла, — Стёпка улыбнулся. — Кошки боялись, а сурков — нет. Таскала их за уши, честно. Отец говорил: дура, а она не дура. Просто ей скучно было.

— Сейчас бы ей тоже скучно, — сказал Леха.

— Сейчас — да, — Стёпка замолчал.

Седой курил, выпуская дым в темноту. Булат раскладывал кашу по кружкам. Сорока молчал, но это было молчание человека, который слушает и которому это сейчас нужно — слышать, что рядом живут.

Вихрь ел молча, и перловка была обычной на вкус, и тушёнка — обычной, и чай с мятой, которую Булат снова раздобыл непонятно где, был обычным. Но в этом «обычном» и было главное — оно было. Здесь, сейчас, на перекрёстке, который утром мог стоять кому-то из них жизни.

— Завтра на восток, — сказал Вихрь, когда котелок опустел. — Дорога дальше. Сорока, ты с нами?

Сорока помолчал.

— А куда мне идти? — спросил он.

Вихрь кивнул. Это был ответ, который он понимал.

Глава 9

Ночь перед дорогой

Леха не спал снова.

Он лежал, укутавшись в спальник, и смотрел на звёзды — на те немногие, что пробивались сквозь облака. Дед научил его их названиям, но Леха помнил только три: Медведица, Орион и Полярная. Остальные забылись, как забываются имена одноклассников, с которыми не виделся десять лет.

Рядом тихо дышал Булат. Седой храпел — негромко, ровно, почти музыкально. Сорока ворочался, и Стёпка бормотал во сне что-то невнятное, обрывки слов, в которых мелькало «мама» и «не надо».

Леха закрыл глаза и попытался представить дом. Кухня, окно, за которым — берёзы. Мама у плиты, спиной, в фартуке с подсолнухами. Запах пирожков с капустой. Голос отца из комнаты: «Лёх, иди сюда, передача». И он идёт, и всё просто, и всё на месте.

Не получилось. Образы плыли, расплывались, как акварель под дождём. Кухня была, но окна не было. Мама была, но без лица. Голос отца был, но без слов.

Леха открыл глаза.

Вихрь сидел у стены, не спал. Смотрел в темноту.

— Вихрь, — прошептал Леха.

— Да.

— А ты домой хочешь?

Пауза. Длинная, как ночь.

— Хочу, — сказал Вихрь. — Только не знаю, куда именно. Дом — это где тебя ждут. А меня ждут, но я не помню — где.

Леха ничего не ответил. Он повернулся на бок, натянул спальник до подбородка и заснул — наконец, быстро, как падают в воду.

Глава 10

Дорога

Утром пошли.

Вихрь — первым. За ним Леха, Седой, Булат. Сорока со своими — правее, параллельным курсом, как будто они всегда были вместе, просто раньше шли по другую сторону дороги.

Дорога тянулась на восток, через поля, через перелески, через небольшие посёлки, от которых оставались трубы да остовы домов. Она была неровной, разбитой, с колеями от техники, заполненными дождевой водой. Грязь липла к ботинкам, тянула вниз, и каждый шаг стоил усилия.

Но шли.

Потому что дорога не заканчивается, пока кто-то идёт по ней.

Глава 11

Утро выдалось обманчиво тихим. Над полем стелился белёсый туман, будто природа пыталась спрятать от глаз всё то, что здесь творилось последние недели. Вихрь стоял у края лесополосы, вглядываясь в серую пелену, и ловил себя на мысли, что именно эта тишина пугает больше, чем грохот боя. Она была не мирной — она была выжидающей.

Рядом, поправляя разгрузку, тихо выругался Барс.

— Опять эти «окна тишины», — пробормотал он, покосившись на Вихря. — Как будто небо решило поиграть с нами в молчанку. А потом — бах! И всё по новой.

Вихрь не ответил сразу. Он знал: в такие минуты лишние слова только мешают. Вместо этого он достал из кармана помятую фотографию — ту самую, где он ещё в гражданской жизни, рядом с мамой и младшей сестрой. Сестра тогда смеялась, мама улыбалась, а он казался себе совсем другим человеком — спокойным, уверенным, будто знал, что впереди только хорошее. Сейчас эта уверенность казалась далёкой, почти чужой.

— Думаешь, они там в порядке? — будто прочитав его мысли, спросил Барс, кивнув на фото.

Вихрь медленно убрал снимок обратно.

— Должны быть, — коротко ответил он. — У них есть друг семьи, дядя Коля. Он обещал присмотреть.

Барс кивнул, не настаивая. Он понимал: говорить о доме здесь, на передовой, было одновременно и спасением, и болью.

Рация щёлкнула, и голос командира прозвучал сухо, по-деловому:

— Вихрь, приём. У нас новая задача. Координаты скину. Нужно проверить заброшенную ферму в трёх километрах к северу. По данным разведки, там могли оборудовать наблюдательный пункт.

Вихрь поднёс рацию к губам:

— Принял. Выдвигаемся.

Он обернулся к группе — четверо бойцов, каждый со своей историей, со своим грузом, который они несли не в рюкзаках, а внутри.

— Слушай сюда, — негромко, но твёрдо сказал Вихрь. — Держим дистанцию, работаем парами. Никаких геройств. Если что — сразу сигнал. Всё ясно?

Бойцы коротко кивнули. В их глазах читалось то, что всегда бывает перед выходом: смесь усталости и собранности, когда тело уже хочет покоя, а воля ещё держит в строю.

Они двинулись вперёд, растворяясь в тумане, словно становились частью этой серой, напряжённой тишины. Каждый шаг отдавался в груди не просто тяжестью сапог, а тяжестью ответственности: за себя, за тех, кто рядом, за тех, кто ждёт дома.

Через полчаса туман начал рассеиваться, открывая вид на старую ферму. Здание выглядело заброшенным: выбитые окна, покосившаяся крыша, ржавые ворота, наполовину сорванные с петель. Но именно эта заброшенность и настораживала. Слишком уж она была «правильной» — будто кто-то специально оставил всё так, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Вихрь поднял руку, останавливая группу. Он достал бинокль и медленно провёл им по периметру. И вдруг замер: на краю крыши мелькнуло что-то металлическое — отблеск, слишком чёткий для случайности.

— Есть контакт, — тихо произнёс он, опуская бинокль. — На крыше. Один, может, два. Барс, стоявший рядом, тихо присвистнул.

— Значит, не зря шли, — прошептал он. — Что делаем?

Вихрь на секунду задумался. Прямой штурм был бы слишком рискованным — они бы стали лёгкой мишенью ещё до того, как доберутся до входа. Нужно было найти другой путь.

— Обходим с фланга, — решил он. — Ищем запасной вход или окно с тыльной стороны. Работаем тихо. Если там кто-то есть, нам нужно застать их врасплох.

Группа разделилась на две пары и начала медленно обходить здание, стараясь держаться в тени и не выдавать себя ни звуком, ни движением. Вихрь шёл первым, чувствуя, как внутри нарастает привычное напряжение — то самое, когда все чувства обостряются до предела, а время будто замедляется.

Когда они добрались до тыльной стороны фермы, перед ними открылась небольшая пристройка — когда-то, наверное, склад или подсобка. Дверь была приоткрыта, словно приглашая войти. Но именно это и вызывало подозрение.

Вихрь жестом остановил бойцов. Он достал гранату-шумиху — не для боя, а для отвлечения. План был прост: бросить её в главный вход, чтобы отвлечь внимание, а самим проникнуть через эту пристройку.

— На счёт три, — тихо сказал он. — Раз... два...

В этот момент из пристройки раздался голос — холодный, спокойный, но от этого ещё более пугающий:

— Не надо. Мы уже знаем, что вы здесь.

Вихрь замер, рука застыла в воздухе. Он медленно поднял глаза и увидел фигуру в камуфляже, стоящую в дверном проёме. В руках у незнакомца был автомат, но он не целился — пока не целился.

— Кто вы? — спросил Вихрь, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Незнакомец чуть наклонил голову, будто оценивая.

— Те, кто пришёл раньше вас, — ответил он. — И, возможно, те, кто уйдёт позже.

Глава 11(продолжение)

— Не надо. Мы уже знаем, что вы здесь.

Вихрь замер, рука застыла в воздухе. Он медленно поднял глаза и увидел фигуру в камуфляже, стоящую в дверном проёме. В руках у незнакомца был автомат, но он не целился — пока не целился.

— Кто вы? — спросил Вихрь, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Незнакомец чуть наклонил голову, будто оценивая.

— Те, кто пришёл раньше вас, — ответил он. — И, возможно, те, кто уйдёт позже.

Из-за его плеча выглянул ещё один боец — молодой, с напряжённым взглядом. И в этот миг тишина лопнула, как натянутая струна.

С крыши фермы ударил короткий, хлесткий автоматный огонь. Пули взбили пыль у ног Вихря, заставили его резко отпрыгнуть назад, за угол пристройки.

— В укрытие! — рявкнул он, уже не стараясь шептать.

Группа рассыпалась: Барс метнулся к полуразрушенной стене, двое других бойцов нырнули за ржавый остов трактора, торчавший посреди двора. Вихрь прижался к шершавой кирпичной кладке, сердце колотилось где-то в горле, а мозг работал с холодной, быстрой чёткостью.

Снова очередь — на этот раз выше, по стене. Осколки кирпича брызнули ему в лицо, он инстинктивно прикрыл глаза, тут же снова распахнул их, сканируя пространство.

Рация захрипела, и голос командира прорвался сквозь треск помех:

— Вихрь, докладывай! Что там у вас?

— Контакт! — коротко бросил Вихрь. — Ферма занята. Огонь с крыши и из пристройки. Держим оборону.

Он не успел договорить: из дверного проёма пристройки снова показался тот самый незнакомец. На секунду их взгляды встретились — и в этом взгляде не было ни злобы, ни торжества, только усталость и холодная решимость.

Незнакомец вскинул автомат.

Время будто растянулось. Вихрь не думал — он действовал. Резкий рывок в сторону, перекатом — и он оказался ближе к углу, откуда мог видеть вход. Пальцы сжали рукоять автомата, плечо привычно приняло отдачу, когда он дал короткую очередь.

Незнакомца отбросило назад, он исчез в полутьме пристройки. Но это не значило, что всё кончено. С крыши снова ударили — теперь уже прицельно, выцеливая укрытия. Барс, выглянув из-за стены, ответил длинной очередью, прикрывая товарищей.

— Прижимают к земле! — крикнул он, пригибаясь, когда пули засвистели совсем рядом. — Не дадут головы поднять!

Вихрь стиснул зубы. Нужно было что-то делать — и быстро. Если противник удержит высоту, группа окажется в ловушке.

— Держи сектор! — бросил он Барсу. — Я обойду сбоку, попробую снять стрелка на крыше!

Барс хотел возразить, но Вихрь уже скользнул вдоль стены, используя каждый выступ, каждую тень. Сердце билось в такт шагам, но мысли оставались ясными. Он знал: сейчас нельзя думать ни о доме, ни о том, что будет потом. Сейчас была только задача — и только она имела значение.

Добравшись до торца здания, Вихрь замер. Перед ним поднималась старая пожарная лестница — ржавая, скрипучая, но, кажется, ещё державшая вес. Он взглянул вверх: силуэт стрелка мелькал на фоне неба, чётко выделяясь на краю крыши.

Ещё секунда — и тот снова откроет огонь.

Вихрь рванул вверх по ступеням. Металл стонал под его весом, но держал. На третьем пролёте лестница дрогнула, прогнулась, но не сломалась. Он цеплялся за перекладины, чувствуя, как мышцы горят от напряжения, а в груди не хватает воздуха.

Наконец, край крыши. Вихрь подтянулся, перекатился через бортик и тут же прижался к бетонному парапету. Стрелок стоял метрах в десяти, перезаряжая автомат. Он ещё не заметил Вихря.

Секунда.

Две.

Вихрь поднялся, вскинул оружие.

— Брось оружие! — голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

Стрелок дёрнулся, обернулся — и в этот момент Вихрь увидел его лицо. Совсем молодой, почти мальчишка, с расширенными от адреналина глазами. В них не было ненависти — только страх и отчаянная готовность драться до конца.

Палец Вихря лежал на спусковом крючке. Он знал, что должен нажать. Знал, что если не сделает этого — через секунду сам станет мишенью.

Но что-то внутри мешало. Тот самый взгляд, в котором не было злобы. Тот самый страх, который он столько раз видел в собственных снах.

— Брось! — повторил он, чуть мягче, но не опуская автомат.

Парень замер, переводя взгляд с Вихря на оружие, потом снова на него. В воздухе повисла звенящая пауза, в которой слышался только гул ветра и отдалённый треск выстрелов внизу.

И вдруг с земли донёсся крик — голос Барса:

— Вихрь! Сзади!

Вихрь резко обернулся — и как раз вовремя: из люка на чердак выскочил ещё один боец противника. Он вскидывал автомат, и в эти доли секунды Вихрь понял: выбора больше нет.

Короткий, точный выстрел. Боец рухнул, не успев даже нажать на спуск.

А парень на крыше медленно опустил автомат и поднял руки.

Вихрь перевёл дыхание, чувствуя, как дрожь, которую он сдерживал всё это время, наконец прорывается наружу. Он опустил оружие, но не убирал палец со спускового крючка.

— На землю! — скомандовал он. — Лицом вниз!

Парень послушно опустился, уткнувшись лбом в пыльные доски крыши. Вихрь подошёл ближе, ногой отшвырнул автомат подальше, проверил, нет ли второго оружия.

Только теперь, когда непосредственная угроза миновала, он позволил себе на секунду закрыть глаза. Перед внутренним взором снова мелькнула та самая фотография: мама, сестра, их улыбки. И он вдруг остро, до боли, почувствовал, как сильно хочет вернуться туда, где нет ни выстрелов, ни страха, ни необходимости выбирать между жизнью и смертью.

Снизу донёсся топот — Барс и остальные поднимались к нему по лестнице, осторожно, но быстро.

— Живой? — выдохнул Барс, первым добравшись до крыши. — Ты как вообще...

Вихрь криво усмехнулся, вытирая рукавом пот со лба.

— Сам не знаю, — признался он. — Просто... не хотелось сегодня умирать.

Барс хлопнул его по плечу, но в этом жесте было больше облегчения, чем бравады.

— Тогда давай выбираться отсюда, — сказал он. — Пока они не подтянули подкрепление.

Вихрь кивнул. Он посмотрел вниз, на двор фермы, на развороченные стены и ржавые обломки, и подумал, что эта точка на карте — всего лишь ещё одна остановка в долгом, изматывающем пути. Но пока они держатся вместе, пока слышат друг друга сквозь грохот боя — они ещё могут идти вперёд.

Глава 12

Рассвет подкрался к передовой незаметно — сначала серая муть легла на окопы, потом проступили очертания брустверов, скрученных веток и ржавых листов жести, которыми бойцы коекак прикрывали входы в землянки. Воздух был сырой, тяжёлый, будто пропитанный железом и дымом, что ещё висел над полем после вчерашнего боя. Артём лежал, прижавшись щекой к холодной земле, и слушал тишину. Она была обманчивой: не покой, а затишье перед чемто неизбежным. Гдето вдалеке проскрипел снаряд, но не разорвался — просто ушёл в сторону, оставив после себя короткий, злой звук, похожий на стон. Рядом, в полумраке траншеи, шевельнулся Костик. Он приподнялся на локте, потёр глаза, будто пытался стереть из них усталость, и тихо спросил: — Слышишь? Тихо как... Слишком тихо. Артём не ответил сразу. Он знал эту тишину. Она всегда приходила перед новой волной. — Не нравится мне это, — пробормотал Костик, оглядываясь по сторонам. — Вчера они давили со всех сторон, а сегодня... будто затаились. — Значит, готовят чтото, — наконец отозвался Артём. — Либо перегруппируются, либо заманивают. Он поднялся, стараясь не делать резких движений, и подошёл к изгибу траншеи. Отсюда открывался вид на низину, где вчера шёл самый ожесточённый бой. Сейчас там было пусто, только чёрные проплешины выжженной травы, разбросанные каски и обрывки ткани напоминали о том, что здесь происходило. Вдали, на фоне бледнеющего неба, мелькнула тень. Артём замер, вглядываясь. Ещё одна. Потом ещё. — Командир! — тихо позвал он, обращаясь к майору, который сидел чуть дальше, проверяя магазин автомата. — Там движение. Майор поднял голову, прищурился, потом медленно кивнул. — Вижу. Похоже, пошли. Голос его звучал спокойно, но Артём заметил, как пальцы майора крепче сжали оружие. — Сколько их? — спросил Костик, уже прижимаясь к прицелу. — Пока не разобрать, — ответил майор. — Но если идут плотной группой, значит, рассчитывают на внезапность. Артём почувствовал, как внутри всё сжалось, но это было не от страха — от готовности. Он знал: сейчас нельзя думать о себе. Нужно думать о тех, кто рядом. О тех, кто верит, что ты не подведёшь. — Держать позиции, — скомандовал майор, поднимаясь. — Огонь только по команде. Бойцы замерли, сливаясь с землёй, с брустверами, с этой серой, пропитанной войной тишиной. Каждый ждал сигнала, каждый прислушивался к собственному дыханию, стараясь не выдать себя ни звуком, ни движением. Тени приближались. Теперь уже можно было различить силуэты: фигуры в камуфляже, тяжёлые рюкзаки, автоматы наперевес. Они шли уверенно, будто знали, что впереди никого нет. Или делали вид, что знали. — Готовьтесь, — тихо произнёс майор. — Сейчас... И в этот момент тишину разорвал резкий хлопок — первый выстрел прозвучал откуда-то сбоку, нарушая все планы. Сразу же вслед за ним грянули другие, и поле мгновенно наполнилось криками, грохотом, вспышками разрывов. Артём прижался к стене траншеи, чувствуя, как земля дрожит под ногами. Рядом закричал кто-то из молодых бойцов, но крик тут же оборвался. Костик что-то кричал, но слов было не разобрать из-за грохота. Майор поднялся во весь рост, перекрывая шум голосом: — Держим линию! Не отходить! Артём вскинул автомат и, не целясь, выпустил короткую очередь туда, где мелькнули фигуры противника. В ответ прилетел шквал огня — пули свистели над головой, вбивались в землю, поднимая фонтаны грязи и пыли. Время будто растянулось: каждый миг казался вечностью, каждая секунда — испытанием на прочность. Артём стрелял, перезаряжал, снова стрелял, стараясь не думать ни о чём, кроме того, чтобы удержать позицию, чтобы не дать врагу пройти. Гдето рядом разорвалась граната. Волна горячего воздуха ударила в лицо, на мгновение оглушив. Артём упал, прикрывая голову руками, а когда поднялся, увидел, что Костик лежит, прижимая руку к боку. — Костик! — крикнул Артём, бросаясь к нему. — Жив, — прохрипел тот, пытаясь улыбнуться. — Царапина... Просто царапина. Но Артём видел: кровь быстро пропитывала куртку, и «царапина» была куда серьёзнее. — Держись, — прошептал он, срывая с пояса бинт. — Я тебя вытащу. Костик хотел что-то сказать,

но в этот момент новый взрыв потряс траншею, и земля словно вздыбилась под ногами. Артём почувствовал, как его отбрасывает назад, как мир на секунду становится чёрным, а потом снова вспыхивает ослепительным светом. Когда он пришёл в себя, бой всё ещё шёл, но теперь уже где-то дальше, будто откатываясь назад. Над полем висел густой дым, смешиваясь с утренним туманом. Где-то кричали, звали на помощь, но голос терялся в общем гуле. Артём поднялся, пошатываясь, и огляделся. Костик лежал неподвижно, но дышал — Артём уловил это по лёгкому движению груди. Майор стоял неподалёку, прикрывая отход группы бойцов, которые тащили раненых. — Артём! — крикнул майор, заметив, что тот пришёл в себя. — Помоги им! Уводи ребят к резервной позиции! Артём кивнул, хотя внутри всё кричало от усталости и боли. Он подошёл к Костику, осторожно поднял его, чувствуя, как тяжело даётся каждое движение, и понёс туда, где, как он надеялся, будет безопасно. Путь казался бесконечным: каждый шаг отдавался в теле острой болью, каждый вдох обжигал лёгкие. Но он шёл, не оглядываясь, потому что знал: остановиться — значит проиграть. А они ещё не проиграли.

Глава 13

Артём нёс Костика, чувствуя, как с каждым шагом земля будто уходит изпод ног, а тяжесть на руках становится невыносимой. Но он не мог остановиться. Не здесь. Не сейчас. — Держись, слышишь? — шептал он, хотя сам едва разбирал собственный голос сквозь грохот и свист пуль. — Сейчас доберёмся... Сейчас будет спокойно. Костик что-то пробормотал в ответ, но слова слились с хриплым дыханием. Его лицо было бледным, почти серым, а пальцы слабо сжимали рукав Артёма — будто цеплялись за реальность, не давая себе провалиться в темноту. Когда они наконец добрались до укрытия — полуразрушенного блиндажа, где уже прятались несколько бойцов, — Артём осторожно опустил друга на пол, стараясь не трясти. Руки дрожали, и он стиснул зубы, чтобы не выдать эту дрожь. Рядом тут же оказался санинструктор — молодой парень с усталыми, но внимательными глазами. Он быстро осмотрел Костика, кивнул, будто подтверждая собственные мысли, и принялся действовать: разорвал ткань, прижал бинт, что-то тихо скомандовал другому бойцу. Артём отступил на шаг, потом ещё один, чувствуя, что ему вдруг стало нечем дышать. Он прислонился спиной к сырой стене, закрыл глаза и попытался выровнять дыхание. Но перед внутренним взором снова и снова вставали картины: как Костик смеялся вчера вечером, как рассказывал про дом, про мать, которая каждый день ждала письма, про щенка, которого обещал привезти, если вернётся. И теперь этот смех мог навсегда остаться где-то там, в прошлом, раствориться в грохоте боя, в запахе гари и пороха. В блиндаж заглянул майор. Его лицо было покрыто копотью, а в глазах читалась та самая тяжесть, которую Артём слишком хорошо знал: тяжесть ответственности за чужие жизни. — Артём, — голос майора звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение. — Нам нужно выдвигаться. Позицию нельзя оставлять. Артём кивнул, не открывая глаз. — Я сейчас... — выдавил он. — Дайте минуту. — Минуты нет, — тихо, но твёрдо сказал майор. — Знаю, тяжело. Но если мы сейчас не удержим рубеж, всё это будет зря. И его жизнь тоже. Эти слова ударили сильнее любого крика. Артём резко открыл глаза, посмотрел на майора, потом снова на Костика, который теперь лежал с закрытыми глазами, а санинструктор всё так же склонился над ним, делая своё дело. Внутри всё сжалось от боли, от страха, от понимания, что он должен уйти. Оставить друга здесь, в этом полумраке, среди чужих людей, надеясь, что они сделают всё правильно, что Костик выживет. — Он... — Артём запнулся, пытаясь подобрать слова, которые не звучали бы как слабость. — Он ведь выкарабкается, да? Санинструктор на секунду замер, будто подбирая ответ, который не был бы ни ложью, ни приговором. — Сделаем всё, что можем, — наконец произнёс он. — Остальное — не в наших руках. Эта фраза обожгла. Не в наших руках... Сколько раз Артём слышал её за эти месяцы? Сколько раз она звучала как оправдание, как утешение, как горькая правда, с которой приходилось мириться. Он сделал шаг к Костику, наклонился и тихо прошептал ему на ухо: — Ты только держись. Слышишь? Я вернусь. Обязательно вернусь. Потом выпрямился, проверил автомат, застегнул разгрузку и посмотрел на майора. — Готов, — сказал он, и в этом слове было больше решимости, чем он сам ожидал. Они вышли из блиндажа под свинцовое небо, где уже не было ни рассвета, ни надежды на передышку — только тяжёлый, вязкий воздух, пропитанный войной. Бой откатился чуть дальше, но это не значило, что опасность миновала. Наоборот — тишина теперь казалась ещё более зловещей. По дороге Артём поймал себя на мысли, что старается не думать о том, что может случиться. Но мысли всё равно просачивались, как вода сквозь щели: а если он не вернётся? А если Костик не дождётся? А если эта минута, когда он стоял у стены и пытался отдышаться, станет последней, когда он чувствовал себя просто человеком, а не солдатом, которому снова нужно быть сильным? Майор шёл впереди, уверенно, будто знал, куда ведёт. Но Артём видел, как иногда он замирает, прислушиваясь, как сжимает оружие чуть крепче, чем нужно. И это давало ему странное, почти неуместное чувство: он не один. Здесь все боятся. Все помнят тех,

кто остался позади. Все надеются, что смогут вернуться и рассказать, что всё было не зря. Когда они заняли новую позицию, Артём устроился у бруствера, проверил сектор обстрела и вдруг понял, что в кармане куртки лежит сложенный листок. Он достал его — это было письмо, которое он так и не отправил. Письмо матери. «Мам, я жив, — было написано неровным почерком. — Тут тяжело, но я держусь. Ты только не переживай сильно, ладно? И скажи Лене, что я обязательно привезу ей тот значок, который обещал. Всё будет хорошо. Я вернусь». Он провёл пальцем по строчкам, будто хотел почувствовать тепло дома, запах маминой кухни, смех сестры, который всегда заставлял его улыбаться, даже в самые мрачные дни. И в этот момент он понял, что именно это и держит его здесь: не долг, не приказ, а мысль о тех, кто ждёт. О тех, ради кого нельзя сломаться. Где-то впереди снова послышались выстрелы. Майор поднял руку, давая сигнал приготовиться. Артём убрал письмо обратно в карман, плотно прижался к земле и взгляделся в серую даль, где снова начинали сгущаться тени. Он был готов. Не потому, что не боялся. А потому, что страх теперь стал частью его силы — тем, что заставляло его держаться, не сдаваться, идти вперёд, даже когда казалось, что сил больше нет.

Глава 14

Рассвет подкрался незаметно — не ярким солнцем, а серой, вязкой дымкой, которая стелилась по земле и будто пыталась спрятать от глаз всё то, что натворила прошедшая ночь. Вихрь стоял у края окопа, вглядываясь в эту пелену, и чувствовал, как холод пробирается под бронежилет, цепляется за плечи, заставляет зубы чуть постукивать. Но он не шевелился. Ему казалось, что если он сейчас сделает хоть шаг, то нарушит хрупкое равновесие этого утра — и тишина тут же рассыплётся на осколки, а вместо неё снова придёт грохот, крики, запах гари.

Рядом тихо кашлянул Костя — молодой боец, который в последние недели будто старался держаться поближе к Вихрю, словно его спокойствие было чем-то вроде щита.

— Командир, — прошептал Костя, хотя вокруг не было слышно ни звука. — Может, внутрь? Тут зябко.

Вихрь медленно повернул голову. В глазах парня читалась не столько усталость, сколько тревога — та самая, что появляется, когда тишина становится подозрительной.

— Пока не надо, — так же тихо ответил Вихрь. — Пусть глаза привыкнут. Тут каждый метр надо видеть.

Он снова перевёл взгляд вперёд, туда, где туман цеплялся за поваленные деревья и остатки забора, за ржавые куски металла, торчащие из земли, словно обломки какого-то чужого, давно забытого мира. Вчера здесь была стычка — короткая, яростная, почти без слов. Они отбились, удержали рубеж, но цена оказалась выше, чем хотелось бы. Имена тех, кто не вернулся, Вихрь проговаривал про себя каждое утро, как молитву, которую нельзя забывать.

Из блиндажа вышел старшина, пригнувшись, будто даже здесь, в тылу их позиции, можно было наткнуться на случайную пулю. В руках он держал две помятые кружки с чаем — крепким, почти чёрным, с тем самым горьковатым привкусом, который появлялся, когда заварку экономили, а воду брали из ближайшего ручья.

— Держи, — протянул одну кружку Вихрю. — И не стой тут столбом. Погода не для прогулок.

Вихрь взял кружку, ощутив тепло, которое медленно начало разгонять утренний холод. Он сделал глоток и прикрыл глаза на секунду, позволяя этому теплу дойти до груди, до того места, где всё ещё жила тяжесть вчерашнего дня.

— Что слышно по связи? — спросил он, не открывая глаз.

Старшина хмыкнул, поправил лямку разгрузки и посмотрел куда-то в сторону радиостанции, будто она могла сама выдать все ответы.

— Молчит эфир. То ли помехи, то ли... — он запнулся, не желая произносить вслух то, что оба и так понимали: связь могла молчать по разным причинам, и не все из них были хорошими. — Может, просто туман глушит.

Вихрь кивнул, хотя уверенности в этом не было. Тишина в эфире пугала почти так же, как и плотный огонь противника. Она оставляла слишком много пространства для догадок, а догадки на фронте редко бывали добрыми.

Костя нервно потёр ладони, будто пытался согреть их, и вдруг спросил:

— А если они снова пойдут? Ну, как вчера...

Вихрь посмотрел на него. В этом вопросе не было паники — только честный, почти детский страх перед тем, чего нельзя увидеть, но что обязательно придёт.

— Если пойдут, — спокойно сказал Вихрь, — мы будем здесь. И сделаем то, что должны. Главное — не торопиться. Пусть они первые покажут себя.

Эти слова прозвучали твёрдо, но внутри у Вихря всё сжималось от понимания: резервов не было, патроны считались поштучно, а каждый человек на счету. Он не имел права ошибаться.

Где-то вдалеке, за пеленой тумана, хрустнула ветка. Звук был едва уловимым, но в этой тишине он прозвучал, как выстрел. Все трое замерли, прислушиваясь, и даже ветер будто перестал шевелиться. Ещё один хруст, потом ещё — кто-то двигался там, в сером мареве, осторожно, шаг за шагом.

Вихрь поставил кружку на край бруствера, пальцы сами легли на рукоять автомата. Он не спешил поднимать тревогу — сначала нужно было понять, кто там. Свои могли идти так же осторожно, особенно если связь не работала. Но тревога уже разливалась по груди, тяжёлая и холодная, как предрассветный воздух.

— Костя, — тихо скомандовал Вихрь, не отрывая взгляда от тумана. — Передай по окопам: готовность номер один. Без шума.

Парень кивнул и исчез в проёме блиндажа, двигаясь быстро, но бесшумно — за эти недели он научился ценить тишину.

Старшина молча присел у края окопа, проверяя магазин, и бросил короткий взгляд на Вихря.

— Думаешь, они?

Вихрь не ответил сразу. Он продолжал всматриваться в туман, пытаясь выхватить хоть какой-то силуэт, движение, тень, которая выдавала бы чужого. И вдруг среди серых полос мелькнуло что-то тёмное — на секунду, как вспышка, и тут же пропало.

— Да, — наконец произнёс он, и в этом слове не было ни гнева, ни страха — только холодная уверенность. — Они.

Туман больше не казался безобидным. Теперь он был укрытием для тех, кто шёл к ним, и Вихрь знал: через несколько минут эта тишина взорвётся криками, выстрелами и металлом, летящим сквозь воздух. Но пока у них была эта секунда — секунда перед бурей, когда можно было собраться, выдохнуть и вспомнить, ради чего они здесь.

Он крепче сжал автомат, чувствуя под пальцами холодную сталь, и тихо, почти шёпотом, добавил:

— Держим рубеж.

Глава 15

Рассвет подкрался незаметно — не ярким солнцем, а серой, вязкой дымкой, которая цеплялась за развалины, за ветки, за плечи бойцов. Вихрь стоял у края лесополосы, вглядываясь в эту мутную пелену, будто надеялся разглядеть в ней хоть какой-то знак: что дальше, куда идти, где та тонкая грань между «ещё можно» и «уже поздно». За спиной тихо переговаривались ребята, проверяли снаряжение, пили остывший чай из помятых кружек. Никто не шутил, не пытался разрядить обстановку — все чувствовали: сегодняшний день будет другим. Не таким, как вчера, когда они просто выживали, прятались, отходили, прикрывали друг друга. Сегодня предстояло наступать. Вихрь сжал в пальцах потрёпанную карту. Линия фронта на ней уже не имела ничего общего с реальностью: вчерашние ориентиры превратились в груды битого кирпича и искорёженного металла. Он снова и снова прокручивал в голове маршрут, выискивая хоть какой-то безопасный проход, но каждый вариант упирался в зону обстрела или минное поле. — Командир, — тихо окликнул его молодой боец, тот самый, что ещё пару недель назад дрожал от каждого выстрела, а теперь стоял ровно, сжимая автомат так, будто тот был продолжением его руки. — Там, в овраге... я вчера заметил тропу. Не на карте, просто следы. Может, по ней? Вихрь поднял на него глаза. В мальчишеском взгляде не было ни дерзости, ни желания выслужиться — только искренняя надежда помочь. Он кивнул, не сразу, будто взвешивая каждое движение. — Покажи. Они отошли в сторону, к обрывистому краю оврага, где земля была рыхлой, а трава примята. Следы действительно были: нечёткие, местами размытые дождём, но достаточно свежие, чтобы понять — по этой тропе кто-то ходил совсем недавно. — Думаешь, это наши? — спросил Вихрь, присаживаясь на корточки и проводя пальцем по отпечатку подошвы. Боец пожал плечами: — Не знаю. Но если нет... значит, там кто-то есть. И, может, мы сможем их обойти. Вихрь выпрямился, вглядываясь в глубину оврага. Тени там лежали густо, почти непроницаемо, и от этого становилось не по себе. Но другого пути не было. Он вернулся к группе, коротко обрисовал ситуацию. Никто не возразил, никто не попросил подождать, не стал искать оправданий. Они просто кивнули, подтянули ремни, проверили магазины — и двинулись вниз, в эту тёмную, сырую пасть оврага. Спуск дался тяжело: земля осыпалась под ногами, приходилось держаться за корни и ветки, чтобы не скатиться кубарем. Вихрь шёл первым, стараясь ступать как можно тише, прислушиваясь к каждому шороху. Здесь, внизу, звуки были другими: приглушёнными, гулкими, будто сама земля впитывала их, а потом выталкивала обратно, искажёнными и чужими. Вдруг впереди раздался тихий, едва уловимый звук — не то камень покатился, не то кто-то неловко шагнул. Вихрь замер, подняв руку. Группа остановилась, слившись с тенями, растворившись в полумраке. Секунды тянулись бесконечно. Вихрь медленно вытащил из разгрузки бинокль, поднёс к глазам, всматриваясь в темноту впереди. И вдруг увидел: метрах в тридцати, за поваленным деревом, мелькнула тень. Чёткая, человеческая. «Чужие», — пронеслось в голове, но он не подал вида. Вместо этого он тихо, одними губами, отдал приказ: обойти слева, прикрыть, не спешить. Бойцы бесшумно разошлись, занимая позиции. Вихрь остался на месте, выжидая. Он знал: в таких ситуациях главное — не торопиться. Один неверный шаг, один лишний звук — и всё пойдёт прахом. Тень снова шевельнулась. Теперь Вихрь разглядел фигуру целиком: человек в камуфляже, с оружием наготове, медленно двигался вдоль оврага, явно чего-то высматривая. И тут до Вихря дошло: этот человек не искал их. Он сам прятался. От кого? Ещё несколько секунд наблюдения — и картина сложилась. Фигура была одна, без поддержки, без прикрытия. И двигалась она не как наступающий боец, а как тот, кто пытается ускользнуть. Вихрь принял решение мгновенно. Он поднял руку, давая знак своим не стрелять, а сам сделал несколько осторожных шагов вперёд, держа оружие наготове, но не направляя его прямо. — Стой! Кто идёт! — голос прозвучал твёрдо, но без угрозы, скорее как предупреждение. Фигура замерла. Потом медленно подняла руки,

не оборачиваясь.— Свои, — глухо ответил незнакомец, и в этом голосе было столько усталости, что Вихрь сразу поверил. — Из третьей роты. Нас отрезали. Вихрь опустил оружие, сделал ещё шаг вперёд. Теперь он видел лицо: измождённое, в копоти и грязи, с тёмными кругами под глазами.— Ты один? — спросил он.— Один, — кивнул боец. — Остальных... не знаю. Потерял связь. Вихрь оглянулся на своих ребят, которые уже выходили из укрытий, и коротко распорядился:— Примем его. Идём дальше. У нас задача не меняется. Новый боец, едва державшийся на ногах, благодарно кивнул. Вихрь на секунду задержал на нём взгляд, и в этот момент что-то внутри него щёлкнуло: да, они все здесь чужие друг другу по крови, но по судьбе — свои. И именно это делало их сильнее. Овраг постепенно начал подниматься, выводя группу на более открытую местность. Вихрь чувствовал, как напряжение снова нарастает, стягивая нервы в тугий узел. Впереди ждала неизвестность, но теперь он знал: они не одни. И пока они держатся вместе, есть шанс пройти эту фронтальную дорожку до конца.

Глава 16

Они выбрались из оврага и оказались в небольшой ложбине, укрытой со всех сторон густыми зарослями и поваленными деревьями. Здесь, в этой случайной нише среди войны, вдруг стало тихо — не той мёртвой тишиной, что пугает перед обстрелом, а почти домашней, когда слышно, как ветер шелестит листвой и где-то далеко, будто в другой жизни, кричит птица. Вихрь дал команду остановиться и рассредоточиться по периметру, выставить дозорных. Сам он опустился на землю у старого пня, прислонился спиной к шершавой коре и на секунду прикрыл глаза. Плечи наконец-то чуть опустились, напряжение, стягивавшее мышцы весь день, понемногу отпускало. Рядом присел тот самый молодой боец, что нашёл тропу. Он молча протянул Вихрю флягу. — Держите. Почти полная. Вихрь кивнул, сделал пару глотков, вернул флягу. — Спасибо. Ты молодец. Сегодня ты нас выручил. Парень чуть покраснел, будто стеснялся похвалы, и устался на свои руки, перепачканные землёй. — Да ладно... Просто заметил. Пришёл и тот боец из третьей роты — тот, кого они встретили в овраге. Он сел неподалёку, вытянул ноги, снял каску и провёл ладонью по мокрым от пота волосам. — Никогда так не уставал, — тихо сказал он, будто сам себе. — Даже когда шли без привалов трое суток... Это другое. Тут каждый шаг — как по лезвию. Вихрь посмотрел на него внимательно. — Как звать? — Сергей. — А меня ты знаешь. Держи, тут сухпай есть. Не праздник, но хоть силы вернёт. Сергей взял паёк, но не спешил открывать. Вместо этого он вдруг спросил: — Вы тут давно? — Не то чтобы давно. Но успели привыкнуть к тому, что «спокойно» — это когда просто тихо, а не когда безопасно. Кто-то из ребят достал пачку сигарет, пустил по кругу. Вихрь не курил, но смотрел, как бойцы делают эти короткие, жадные затяжки, как на секунду в их лицах проступает что-то очень личное, уязвимое — будто вместе с дымом выходит накопившийся страх. И тут молодой боец, тот самый, что всё ещё казался мальчишкой, вдруг тихо заговорил: — У меня мама письма пишет. Каждую неделю. Говорит, что дома всё хорошо, что кошка родила котят, что соседка принесла варенье... А я знаю, что она специально про котят и варенье. Чтобы я не думал про плохое. Он замолчал, будто испугался, что сказал слишком много. Но никто не усмехнулся, никто не отвёл взгляд. Все просто слушали. — Правильно она делает, — спокойно ответил Вихрь. — На войне самое страшное — это пустота в голове. Когда начинаешь думать только про то, что может случиться. А письма про котят... они эту пустоту закрывают. Сергей хмыкнул, кривовато, но без горечи: — У меня дочка. Ей пять. Я ей перед отъездом игрушечную машинку подарил. Сказал: «Это мой броневик. Он тебя защитит, пока меня нет». Глупо, наверное. — Не глупо, — твёрдо сказал Вихрь. — Это самое правильное, что можно было сказать. На минуту снова стало тихо. Только шелест листвы и далёкий, почти неразличимый гул, который здесь, в ложбине, казался чем-то посторонним, не имеющим к ним отношения. Молодой боец вдруг улыбнулся, совсем по-детски: — А у нас во дворе кот был. Огромный, полосатый. Все его боялись, а он только с детьми дружил. Я ему рыбу носил... Иногда думаю: интересно, он там ещё живёт? И вот в этом простом вопросе, в этой нелепой, трогательной заботе о дворовом коте, вдруг проступило что-то такое, от чего у Вихря сжалось сердце. Не от страха, не от боли — от понимания, что все они здесь держатся не только за автоматы и приказы, а за эти маленькие, хрупкие воспоминания о доме. Он поднялся, не резко, но так, чтобы все это заметили. — Пять минут, — сказал он спокойно. — Пять минут просто посидим. Попьём воды. Вспомним что-то хорошее. А потом дальше. Потому что стоять на месте нельзя. Но и идти, забыв, ради чего мы идём, — тоже нельзя. Бойцы кивнули. Кто-то достал фотографию, кто-то просто закрыл глаза, будто пытаясь удержать в памяти чей-то голос, чей-то смех. Вихрь отошёл к краю ложбины, где тень ложилась плотнее, и достал из кармана сложенный вчетверо листок. Письмо от сестры. Она писала про то, как расцвели яблони у бабушкиного дома, про то, что соседский щенок всё время путается под ногами, про то, что ждёт его. Он провёл пальцем по

строчкам, будто мог через буквы дотянуться до того мира, где нет оврагов, мин и чужих теней в темноте. «Я вернусь, — прошептал он, сам не зная, кому это говорит — сестре, себе или этой земле, которая столько раз пыталась их остановить. — Обязательно вернусь». И когда он снова повернулся к своим, в его взгляде уже не было той глухой усталости. Была решимость — тихая, спокойная, как у человека, который знает, за что держится

Глава 17

Рассвет подкрался незаметно — не ярким солнцем, а тусклым серым светом, который будто боялся слишком сильно осветить изрытую воронками землю. Вихрь сидел у входа в полуразрушенный сарай, прислонившись спиной к покосившейся стене. В руках он крутил помятую флягу, не открывая: воды оставалось на один глоток, и он берег его, как что-то важное, почти ритуальное.

Вокруг стояла непривычная тишина. Не та, что бывает перед бурей, а усталая, выжатая до дна. Будто сама земля выдохнула после долгих дней грохота и теперь лежала, тяжело дыша, в ожидании следующего удара.

Рядом, свернувшись калачиком прямо на куче старой мешковины, спал молодой боец — тот самый, что ещё вчера дрожал от каждого резкого звука. Теперь его лицо было спокойным, почти детским. Вихрь смотрел на него и думал, что за эти недели парень повзрослел лет на десять. И страшно было не то, что он повзрослел, а то, что мог и не дожить до настоящего, взрослого возраста.

Из глубины сарая донёсся тихий кашель — это проснулся старшина. Он выбрался наружу, потирая шею, будто пытался стереть с себя тяжесть прошедших дней.

— Не спится? — хрипло спросил он, присаживаясь рядом.

Вихрь пожал плечами:

— Не то чтобы не спится... Просто боюсь проспать что-то важное.

Старшина усмехнулся, но в усмешке не было веселья:

— Тут самое важное — это не сойти с ума от ожидания. Знаешь, что хуже боя? Тишина, когда знаешь, что скоро снова начнётся.

Они помолчали. Где-то далеко, за лесом, снова глухо бухнуло — один раз, потом второй. Звук был далёким, но от этого не менее зловещим.

— Похоже, они готовятся, — пробормотал старшина.

Вихрь кивнул. Он уже чувствовал это не ушами, а всем телом — как нарастающее напряжение в воздухе, как едва уловимую дрожь земли под сапогами.

В этот момент из сарая выскользнул радист — бледный, с тёмными кругами под глазами. В руках он сжимал рацию, словно она могла дать ответы на все вопросы.

— Командир, — прошептал он, хотя кричать тут было некому, — связь есть. Штаб передаёт: ожидается прорыв на нашем участке. Подкрепление будет, но не раньше чем через сутки.

Вихрь медленно выдохнул. Сутки. Целая вечность в таких местах.

— Значит, держим позицию, — спокойно сказал он, хотя внутри всё сжималось от тяжести этого слова.

Старшина посмотрел на него долгим взглядом:

— Ты это говоришь так, будто у нас есть выбор.

— Выбора нет, — тихо ответил Вихрь. — Но есть долг. И есть ребята, которые на меня смотрят.

Радист нервно сглотнул:

— Может, стоит оттянуть силы? Собрать всех в центре, укрепить оборону...

— Нельзя, — резко оборвал его Вихрь, но тут же смягчил голос: — Если мы соберёмся в кучу, нас накроют одним ударом. Надо рассредоточиться, держать периметр. Каждый метр здесь важен.

Он поднялся, чувствуя, как затекли ноги и как ноет спина от холодных ночей. Но усталость была не врагом — она стала частью его, как бронежилет или автомат. Она напоминала, что он жив.

Подойдя к спящему бойцу, Вихрь осторожно тронул его за плечо:

— Вставай, боец. Время пришло.

Парень открыл глаза, и в них на секунду мелькнул тот самый страх, который он так старался спрятать. Но потом он увидел лицо командира — спокойное, твёрдое — и страх отступил, спрятавшись где-то глубоко, чтобы не мешать делать дело.

— Есть, командир, — пробормотал он, поднимаясь и поправляя разгрузку.

Вихрь оглядел своих людей — небольшую, потрепанную группу, которая стала ему почти семьёй. Каждый из них был важен, каждый был нужен. И он не имел права подвести ни одного из них.

— Слушайте все, — громко сказал он, и голоса в сарае затихли. — Скоро здесь станет жарко. Мы не знаем, сколько их будет и с какой стороны они ударят. Но мы знаем одно: мы здесь. И мы не отступим.

Слова прозвучали просто, без пафоса, но в них была сила — та самая, что держит людей на ногах, когда хочется упасть и больше не вставать.

Где-то совсем близко снова грохнуло, и земля вздрогнула. На этот раз звук был ближе. Гораздо ближе.

Вихрь посмотрел на горизонт, где небо уже начинало светлеть по-настоящему, и тихо произнёс:

— Начинается.

Глава 18

Ожесточённый бой

Первый снаряд упал в сотне метров от сарая — так близко, что земля подпрыгнула, а с потолка посыпалась труха и пыль. Вихрь инстинктивно пригнулся, но тут же выпрямился: сейчас каждая секунда на счету.

— Все по позициям! — крикнул он, и голос его, хриплый от недосыпа, прорезал грохот очередного разрыва. — Рассредоточиться! Второй отделение — к оврагу, первый — удерживаем линию!

Бойцы засуетились, привычно хватая оружие и разгрузки. Тот самый молодой парень — Серёга, как Вихрь про себя его называл — на мгновение замер, но тут же рванул за остальными, прижимая к груди автомат, словно ребёнка.

Артиллерийский огонь накатывал волнами. Сначала — далёкие глухие удары, потом всё ближе, точнее, злее. Земля дрожала непрерывно, и эта дрожь передавалась в ноги, в руки, в самую грудь, смешиваясь с гулом собственного сердца.

Вихрь занял позицию у разрушенной каменной стены на краю лесополосы. Перед ним расстились поле и неглубокая лощина, за которой темнел кустарник. Оттуда, из кустарника, и должно было прийти главное.

— Командир, вижу движение! — крикнул радист, вжавшись в бруствер из мешков с песком. — Кусты, двести метров, слева!

Вихрь припал к биноклю. Между кустами мелькали тёмные фигуры — одна, две, пять, десять... Они шли перебежками, низко, почти прижимаясь к земле, прикрывая друг друга огнём. Профессионально. Не ополченцы — кадровики.

— Передаю координаты наводчику, — скомандовал Вихрь, и радист затараторил в рацию, заглушая нарастающий свист мин.

Но артиллерия не успела. Из кустарника ударил БТР — тяжелые пулемётные очереди прошли воздух, взрывая фонтанчики земли в опасной близости от позиций. Один из бойцов первого отделения вскрикнул и упал, схватившись за бок.

— Санитара! — заорал старшина, но санитар уже полз к раненому, таща на спине аптечку.

Вихрь стиснул зубы. Он уже видел, как из-за кустарника выползает бронетехника — две машины, чуть правее — ещё одна. За ними двигалась пехота, плотной цепью, стреляя на ходу.

— Гранатомётчик — к мне! — рявкнул Вихрь, и через несколько секунд рядом плюхнулся коренастый боец с РПГ на плече. — Видишь второй БТР? Чуть правее, у одинокого дерева. Ждёшь, пока подойдёт метров на сто, бьёшь в борт.

— Понял, — коротко ответил гранатомётчик, прикладываясь к прицелу.

Первая машина вышла на открытое поле, и Вихрь открыл огонь. Автомат дёрнулся в руках, заговорил сухо и отрывисто. По корпусу БТРа посыпались искры — пули высекали их из брони, не нанося вреда, но заставляя экипаж пригнуться. Пехота за машиной рассыпалась, и сразу несколько стволов развернулись в сторону Вихря.

Пули запели над головой, впиваясь в стену, в землю, в бруствер. Осколки камня брызнули в лицо. Вихрь зажмурился на долю секунды — и снова открыл глаза, прижал приклад плотнее и дал короткую очередь по бегущим фигурам.

Одна фигура споткнулась и упала. Вторая — продолжила бежать.

Гранатомётчик выстрелил. РПГ плюнул дымным хвостом, и через мгновение второй БТР вздрогнул, окутался чёрным дымом. Из пробойны в борту ударил огонь, и машина замерла, мёртвая.

— Есть! — рывкнул гранатомётчик, но тут же схватился за плечо — пуля нашла его. Он выронил трубу, но устоял на ногах, прижимая раненое плечо к телу.

— Назад! — крикнул Вихрь. — Уходишь к санитару!

Но тот лишь покачал головой, перезаряжая второй выстрел одной рукой.

Третий БТР теперь шёл прямо на их позицию, стреляя из всего, что у него было. Пулёмётные очереди скашивали ветки, рвали землю, казалось, что сам воздух раскалывается надвое.

— Старшина, фланг! — крикнул Вихрь. — Они обходят справа!

Он был прав. Группа из десятка бойцов двигалась вдоль лощины, пытаясь зайти с правого фланга. Если они пройдут — отрежут отделение от основных сил, и тогда всё.

— Со мной, за мной! — Вихрь поднялся и рванул вправо, пригибаясь до самой земли. За ним побежали трое — кто-то спотыкался, кто-то матерился сквозь зубы, но бежали все.

Они успели занять позицию у поваленного дерева как раз вовремя. Цепь противника была уже в пятидесяти метрах, и Вихрь дал длинную очередь, не целясь — просто чтобы заставить их залечь. Лечь они не залегли, но замедлились, и этого хватило.

Бой превратился в сплошной грохот, в котором невозможно было разобрать отдельные звуки. Стрельба слилась в единый вой, крики и взрывы — в единую какофонию. Вихрь уже не думал — он действовал на инстинктах, отточенных неделями: короткая очередь, смена позиции, бросок, снова очередь. Руки работали сами, глаза ловили движение, ноги несли туда, где было нужнее всего.

Снаряды ложились всё плотнее. Один ударил прямо в сарай, из которого они начали утренний бой. Строение сложилось, как карточный домик, взметнув облако пыли и щепок. Если бы они задержались там ещё на десять минут...

— Командир! — Голос радиста пробился сквозь гул. — Подкрепление! Рота на подходе, двадцать минут!

Двадцать минут. Ещё одна вечность.

Вихрь огляделся. БТР горел, чадя жирным чёрным дымом, но пехота вокруг него продолжала наступать. Справа бойцы держались, но слева, у оврага, виднелись бегущие фигуры — кто-то из второго отделения отступал.

— Стоять! — заорал Вихрь, но его голос утонул в очередном взрыве.

Он рванул к оврагу, не разбирая дороги, перепрыгивая через воронки. Ноги скользили по мокрой глине, ботинки проваливались в жижу. Он упал, разбил колено, поднялся и побежал дальше.

У оврага он нашёл Серёгу — бледного, с трясущимися руками, но с автоматом в руке.

— Я... я не могу, командир, — пролепетал парень, и глаза его были мокрыми — не от слёз, а от ужаса, который он больше не мог сдерживать.

Вихрь схватил его за разгрузку, притянул к себе и посмотрел прямо в глаза:

— Можешь. Ты слышишь меня? Ты можешь. Я с тобой. Мы вместе. Ты просто стреляй — и всё. Не думай. Стреляй.

Парень сглотнул, кивнул, и руки его перестали трястись. Он поднял автомат и дал первую очередь — неуверенно, мимо, но это был шаг.

— Вот так, — сказал Вихрь. — Ещё.

Серёга выстрелил снова, и на этот раз попал. Фигура в кустарнике споткнулась и упала. Парень замер, глядя на результат, и Вихрь увидел, как что-то в его глазах навсегда изменилось.

Бой длился ещё четверть часа. Самое длинное, самое страшное, самое тяжёлое. Когда показалась рота подкрепления — два БМП и полторы сотни бойцов — противник начал откатываться. Не сразу, неохотно, огрызаясь огнём, но линия дрогнула и попятилась.

Вихрь стоял посреди поля, оглядывая то, что осталось от позиции. Стены больше не было. Сарая не было. Овраг был завален землёй и осколками. Воздух был густым от дыма и пороховой гари, и дышать было больно.

Старшина подошёл, хромая — осколок застрял в ноге, но он отказывался от эвакуации.

— Держали, — сказал он просто.

— Держали, — повторил Вихрь.

Он посчитал людей. Из двадцати одного бойца на ногах осталось четырнадцать. Двое тяжёлых, пятеро легкораненых. Это была победа — маленькая, горькая, пропахшая кровью и порохом, но победа.

Серёга сидел у поваленного дерева, пустым взглядом глядя перед собой. Автомат лежал рядом. Вихрь подсел к нему, молча положил руку на плечо.

— Мы выстояли, — тихо сказал он.

Парень повернул голову, и в его глазах было что-то новое — не страх и не бравада, а тихая, тяжёлая серьёзность, которая приходит только к тем, кто узнал цену каждому мгновению.

— Командир, — сказал он, — я больше не боюсь.

Вихрь кивнул. Он знал, что это не совсем правда. Страх не уходит — он просто меняет форму. Но он не стал говорить этого вслух.

Где-то на западе ещё гремело — отголоски боя, который продолжался без них. Вихрь посмотрел в ту сторону и подумал, что завтра всё повторится. И послезавтра. И снова.

Но сегодня они были живы. И это было единственное, что имело значение.

Глава 19

Новый приказ

К вечеру небо очистилось — не от дыма, а от звуков. Тишина стояла плотная, ватная, нарушаемая только редкими далёкими гулами, которые уже никто не считал. Поле за позициями дымилось редкими чёрными пятнами — догорали остатки бронетехники, и ветер нес горький запах, от которого першило в горле.

Вихрь сидел на пустом ящике из-под боеприпасов, листая потрёпанный блокнот. Не записей ради — просто привычка. Руки должны были чем-то заняться, иначе начинали дрожать. Адреналин уходил медленно, оставляя после себя пустоту и тупую боль во всём теле.

Раненых эвакуировали час назад. Двух тяжёлых увезли на БМП — бледных, молчащих, с закрытыми глазами. Старшину пришлось буквально заставить сесть в машину: он упрямился, ругался, говорил, что осколок в ноге — это царапина. Но когда попробовал встать и нога подломилась, сдался. Посмотрел на Вихря из кузова и сказал:

— Не вздумай без меня геройствовать.

Вихрь усмехнулся и кивнул. Но оба знали, что назад старшина может и не вернуться.

Из четырнадцати оставшихся бойцов трое были ранены легко — перевязаны, на ногах, но двигались скованно. Остальные выглядели так, будто не спали неделю. Собственно, так оно и было.

Серёга — тот самый молодой боец — молча чистил автомат. Действовал уверенно, привычно, без той дрожи в руках, что была ещё вчера. Вихрь отметил это про себя: парень перешагнул через что-то важное. Жаль, что такой ценой.

Радист возился с рацией, пытаясь поймать устойчивый сигнал. Антенна была повреждена осколком, и связь то появлялась, то исчезала. Наконец из динамика полезли слова — сквозь треск и шипение, но разборчиво.

— «Кедр», я «Тополь». Приём.

Позывной «Кедр» — это был Вихрь. Он отложил блокнот и взял микрофон.

— «Тополь», «Кедр» на связи. Слушаю.

— «Кедр», штаб передаёт новый приказ. Записывай.

Вихрь взял карандаш — тупой, обгрызенный, но писать можно.

— Группа «Кедр» с утра выдвигается в направлении населённого пункта Дубровка. Задача — занять рубеж по северной окраине, закрепиться и удерживать до подхода основных сил батальона. Ожидаемое время подхода — шесть-восемь часов после вашего занятия рубежа. Противник в районе Дубровки — до роты пехоты при поддержке двух-трёх единиц бронетехники. Вопросы?

Вихрь молчал несколько секунд. Дубровка. Он видел её на карте — маленькое село в низине, километрах в десяти к западу. Открытое поле, минимум укрытий, узкая дорога через балку. Идеальное место для засады — но с другой стороны, если они не займут рубеж, противник сам закрепится там и перекроет маршрут для всего батальона.

— «Тополь», понял. Но у меня четырнадцать человек, из них трое ранены. Подкрепление будет?

— «Кедр», к вам в ночь подбросят отделение — десять человек, свежих. Плюс один гранатомётчик с запасом выстрелов. Всё, что можем дать. Больше нет.

Вихрь записал цифры. Двадцать четыре человека против роты с бронетехникой. Математика была простой и неутешительной.

— Ещё вопрос, — сказал он в микрофон. — Снабжение? Боеприпасы, вода, медикаменты?

— Грузовик уйдёт в три ноль-ноль. Будет на точке к рассвету. Загрузка — боекомплект, вода, перевязочные. Всё, что просили.

— Понял. Выходим на рассвете. Конец связи.

Вихрь положил микрофон и посмотрел на блокнот. Приказ есть приказ. Обсуждать его с подчинёнными не положено, но он всегда считал, что люди должны знать, куда идут и зачем. Иначе это не бойцы, а стадо.

Он собрал всех — кто мог стоять, тот стоял, кто нет — сидел. Положил блокнот на колено и заговорил без подготовки:

— Новая задача. Утром выдвигаемся к Дубровке. Село в десяти километрах западнее. Нужно занять северную окраину и держать её, пока не подойдёт батальон.

Пауза. Лица не изменились — просто стали чуть жёстче. Никто не задал вопросов. Все понимали, что десять километров по открытой местности, на глазах у противника — это лотерея. Но лотерея, в которой отказаться нельзя.

— В ночь к нам подойдут десять человек, — продолжил Вихрь. — Свежее отделение и гранатомётчик. Это всё. Но этого достаточно. Достаточно, потому что больше у нас нет.

Он обвёл взглядом каждого. Кто-то смотрел прямо, кто-то в землю. Серёга сидел с каменным лицом, и автомат в его руках блестел свежеччищенным металлом.

— И ещё, — Вихрь чуть понизил голос. — Я не буду врать. Будет тяжело. Возможно, тяжелее, чем сегодня. Но мы прошли через этот бой — и вышли. И из следующего тоже выйдем.

Один из бойцов — немолодой, усатый, по прозвищу Дед — хмыкнул:

— Командир, ты это каждый раз говоришь. А потом становится ещё тяжелее.

Вихрь посмотрел на него и неожиданно улыбнулся — устало, но по-настоящему:

— Значит, в следующий раз я скажу «будет легко» — и точно не совру.

Кто-то слабо засмеялся. Смех был невесёлый, но живой. И это было главное.

Вихрь поднялся:

— Готовьтесь к ночному переходу. Проверить оружие, боеприпасы, ноги. Спать — по очереди, по два часа. Я дежурю первым.

Бойцы начали расходиться. Радист снова склонился над рацией, перебирая настройки. Дед подошёл к Вихрю и, понизив голос, сказал:

— Командир, десять километров — это по открытому полю. Если они нас заметят на марше...

— Знаю, — ответил Вихрь.

— Может, пойти ночью? Под покровом?

— Именно так и пойдём. Выход — в четыре утра. Рассветёт, когда будем уже на месте. Если повезёт.

Дед кивнул и ушёл к остальным. Вихрь остался один — если не считать радиоактивного треска рации и далёких, почти неслышных разрывов на западе.

Он смотрел в темнеющее небо, где проступали первые звёзды, и думал не о приказе и не о Дубровке. Он думал о том, что каждый новый приказ — это ещё одна страница, которая пишется чужими руками, а жить по ней приходится ему и его людям. Но так устроено. И пока он командир, он сделает всё, чтобы страницы не обрывались на чьём-то имени.

Ночь опускалась тихо, укрывая поле мягкой тьмой. Где-то в темноте шла подготовка — противник готовился к завтрашнему дню так же, как и они. Два чужих замысла неслись навстречу друг другу, и точкой их пересечения было маленькое село с незвучным названием Дубровка.

Вихрь затушил последнюю сигарету — экономил, но одну в день позволял — и поднялся на ноги.

— Так, бойцы, — сказал он негромко, но слышали все. — До выхода четыре часа. Отдыхаем. Завтра будет длинный день.

Он сказал это без пафоса, без бравады. Просто факт. Просто жизнь, которая шла дальше — через поле, через ночь, через страх.

Глава 20

Путь в Дубровку Рассвет подкрался незаметно — не ярким солнцем, а серым, тягучим светом, который будто не решался разогнать ночную тьму. Вихрь стоял на краю вырубki, вглядываясь в тропу, теряющуюся среди елей. Где-то там, за лесом, лежала Дубровка — точка, к которой их гнал приказ. Но сама дорога казалась ловушкой: слишком тихо, слишком ровно, будто природа затаила дыхание. Рядом, застёгивая ремень, хмурился старшина:— Не нравится мне эта тишина. После вчерашнего боя она звенит, как натянутая струна. Вихрь кивнул. Он тоже чувствовал это напряжение в воздухе. Вчерашний бой выжал из отряда все силы, но не дал ни отдыха, ни уверенности. Теперь им предстояло пройти по узкой тропе, зажатой между болотом и высоткой, где любой пулемёт мог превратить переход в бойню. Командир подошёл, держа в руках потрёпанную карту:— Задача простая, но невыполнимая: дойти до Дубровки и занять перекрёсток до полудня. Без поддержки, без прикрытия. Только мы. В голосе его не было бравады — только сухая констатация. И от этой простоты становилось страшнее. Отряд двинулся вперёд, разбившись на двойки. Вихрь шёл в середине колонны, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в уставших мышцах. Под сапогами хлопала вода, просачиваясь сквозь швы. Лес становился плотнее, ветви цеплялись за одежду, будто пытались удержать людей на месте. Вдруг впереди раздался тихий свист — условный сигнал разведчика. Колонна замерла. Вихрь прижался к стволу дерева, вглядываясь в полумрак. Через мгновение из кустов выскользнул боец, тяжело дыша:— На тропе засада. Видел свежие следы, гильзы. Они ждут нас. Командир сжал кулаки, но голос его остался ровным:— Значит, пойдём в обход. Через болото. Кто-то тихо выругался. Все знали, что болото — это не просто грязь и вода. Это медленная смерть: трясина, холод, невозможность укрыться. Но альтернативы не было. Путь через болото оказался хуже любых ожиданий. Каждый шаг давался с трудом. Вихрь чувствовал, как земля под ногами становится всё более зыбкой, готовой в любой момент поглотить его. Он тянул за собой молодого бойца, который уже начинал терять силы.— Держись! — шептал Вихрь, хотя сам едва находил силы говорить. — Ещё немного. И вдруг впереди мелькнул просвет. Лес расступился, открывая небольшую поляну и край деревни. Дубровка. Они вышли к окраине, когда солнце уже поднималось выше, разгоняя остатки тумана. Деревня казалась вымершей: покосившиеся заборы, пустые окна, тишина, нарушаемая лишь криком вороны. Но именно эта тишина была самой тревожной. Командир поднял руку, останавливая отряд.— Здесь что-то не так, — прошептал он. — Слишком спокойно. Вихрь огляделся, пытаясь уловить хоть какой-то признак жизни. И вдруг заметил едва заметное движение за сараем. Он поднял руку, указывая в ту сторону. Командир кивнул, и несколько бойцов бесшумно скользнули в тень. Через несколько минут они вернулись, ведя с собой перепуганного мальчишку лет двенадцати.— ВСУшники были — сбивчиво рассказывал он, глядя на солдат огромными глазами. — Ушли час назад, но обещали вернуться. Сказали, что будут ждать тех, кто пойдёт по тропе. Командир переглянулся с Вихрём. Теперь всё становилось на свои места. Засада на тропе была приманкой. А настоящая угроза могла появиться в любой момент.— Значит, времени у нас нет, — тихо произнёс командир. — Нужно занять оборону и ждать. Вихрь посмотрел на деревню, на эти пустые дома, которые теперь должны были стать их крепостью. В груди кольнуло предчувствие: этот день будет стоять им многого. Но он знал, что отступать некуда. Они заняли позиции у перекрёстка, распределившись по домам и сараям. Вихрь устроился в окне старого дома, откуда открывался вид на дорогу. В руках он сжимал автомат калашникова, а в голове крутилась одна мысль: «Только бы успеть. Только бы продержаться». Солнце поднималось всё выше, и тишина становилась почти невыносимой. Казалось, сама земля затаила дыхание, ожидая первого выстрела, который разорвёт эту обманчивую тишину и начнёт новый, ещё более жестокий бой.

Глава 21

Штурм

Отряд остановился на опушке, в полуразрушенном лесничестве — бревенчатый дом с проваленной крышей, сарай, колодец с мутной водой. Командир решил дать людям четыре часа на отдых: ровно столько, чтобы промыть раны, обсушиться и не свалиться от усталости в следующем бою.

Вихрь сидел у стены сарая, привязав к ноге тряпку, пропитанную кровью. Осколок, царапнувший голень ещё на подходе к Дубровке, теперь ныл тупой, ноющей болью. Он не обращал внимания — не та беда.

Лёнька лежал внутри дома на ворохе сена. Пуля прошла навывлет через плечо, кость не задета, но двигать рукой он не мог. Старшина перевязал его, стянул края раны и сказал:

— Дойдёшь. Носить больше не будем.

Лёнька только кивнул, стиснув зубы.

Лёшка, мальчишка из Дубровки, исчез на час и вернулся с двумя картофелинами и новостью:

— Дед нашёлся. С людьми. Их там, за оврагом, человек пятнадцать. С оружием.

Командир поднял голову.

— Где именно?

— В балке, у старого мельничного пруда. Там у них лагерь.

Командир долго молчал. Потом посмотрел на Вихря.

— Иди с ним. Узнай, что за люди, чем вооружены. Если серьёзные — веди их сюда. Нам нужна любая помощь.

Балка оказалась глубокой и заросшей — идеальное место, чтобы спрятать пятнадцать человек. Вихрь спустился след в след за Лёшкой, держа автомат наготове. На дне, среди кустов орешника, стояли два шалаша из жердей и навес, под которым горел маленький, незаметный дымокопущечный костёр.

Их встретили двое — немолодые, с обветренными лицами, в mismatched одежде: кто в пиксельке, кто в мультикаме, перевернутой наизнанку. Оружие — винтовки, одна СВД, пара трофейных М-16

— Свой, свой! — заторопился Лёшка. — Это дед!

Из шалаша вышел человек — сухой, жилистый, с короткой седой бородой и глазами, которые смотрели тяжело и прямо. Лёшка бросился к нему, но дед мягко отстранил мальчика и обратился к Вихрю:

— Кто тебя послал?

— Командир наш. Отряд отступил из Дубровки, укропы заняли деревню. Нас осталось пятнадцать, у нас раненые. Нужна помощь.

Дед — его звали Серафим, бывший председатель колхоза, теперь командир штурмовой группы — выслушал молча. Потом сказал:

— Помочь можем. Но и вы нам поможете. У нас задача — наблюдать за дорогой и пускать под откос машины. А укропы после Дубровки усилили патрули. Вдвоём не справиться.

— Что предлагаешь?

— У вас есть один ствол на троих. У нас — стволы, но нет людей, которые умеют воевать. Объединимся.

Вихрь вернулся к отряду к вечеру, ведя за собой Серафима и трёх штурмовиков. Командир поговорил с Серафимом час — тихо, без позы, двое мужчин, которые понимали друг друга без лишних слов. Результат: штурмовики переходили в подчинение командира отряда, а взамен получали подкрепление, патроны и медика — старшину, который до войны был медиком.

Ночь прошла без сна. Командир и Серафим склонились над картой, вырисовывая план.

Суть была проста и жестока: Дубровку нужно было отбить. Не для того, чтобы удержаться — сил не хватит, — а чтобы выбить оттуда ВСУшный гарнизон, захватить документы и связь, и уйти до подхода подкрепления. Разведданные от парней говорили, что в деревне стояла рота — около сотни человек, миномёт и тот самый бронетранспортёр, что подавил их утром.

— Штурм — на рассвете, — сказал командир. — С двух сторон. Мы — с запада, через огороды. Группа Серафима — с юга, через кладбище. Главная цель — дом на перекрёстке, там у них штаб и рация.

Я слушал и чувствовал, как внутри поднимается что-то холодное и собранное — не страх, не ярость, а ясное понимание: завтра он будет стрелять в людей, и люди будут стрелять в него. И может статься, что это последний рассвет, который он увидит.

Он проверил винтовку. Сосчитал патроны. Заточил штык-нож о камень. И лёг, положив голову на вещмешок, но сон не шёл.

Рассвет 21-го дня операции Вихрь встретил стоя в полной темноте у края огорода. Слева — старшина с СВД. Справа — молодой боец Серёга, у которого тряслись руки. Вихрь положил ему ладонь на плечо.

— Дыши. Когда начнётся — пройдёт.

Серёга кивнул, но не поверил.

В деревне было тихо. Укропы, видимо, тоже отдыхали — в крайнем доме горел свет, у дороги стояло два казака, бронетранспортёр дремал у колодца, как уснувший зверь.

Командир поднял руку. Потом — резко вниз.

Старшина дал короткую очередь в сторону часового у колодца. Часовой упал, не успев поднять винтовку М-16.

И всё обрушилось.

Вихрь перебежал через огород, пригнувшись, и ударил в дверь крайнего дома ногой. Внутри — дым, матрасы на полу, спавшие солдаты, которые вскакивали, путаясь в одеялах. Он выстрелил дважды — первый в тени у стены, второй в того, кто тянулся к автомату. Кто-то закричал по-украински, кто-то бросился к окну, но старшина уже бил оттуда, и крики оборвались.

Снаружи — стрельба с южной стороны: группа Серафима вышла к кладбищу и открыла огонь по дому, где располагался штаб. Граната — глухой удар, крик, ещё граната. Из дома повалил дым.

Но бронетранспортёр ожил.

Его пулемёт заработал длинной, безостановочной очередью, прошивая ночь. Снаряды били по огородам, по заборам, по стенам домов. Вихрь прижался к земле, чувствуя, как пули проходят над головой, — низко, злобно, как рой ос.

— Гранату! — крикнул он, не зная кому.

У Серёги была последняя. Мальчишка побледнел, но поднялся, шатаясь, и бросил — неуклюже, коротко. Граната ударилась о борт бронетранспортёра и отскочила. Взрыв поднял комья земли в трёх метрах.

— Ещё!

— Нет!

Тогда старшина сделал то, чего Вихрь не забудет никогда. Он поднялся в полный рост, пробежал двадцать метров под огнём и швырнул свою гранату — единственную — в гусеницу машины. Взрыв. Скрежет металла. Пулемёт захлебнулся и замолч.

Старшина упал рядом с бронетранспортёром и не двигался.

Вихрь рванулся к нему, но кто-то схватил за ногу — командир:

— Лежи! Не геройствуй!

Через минуту пулемёт замолч и с южной стороны. Из штабного дома выбежали двое укропов с поднятыми руками. Потом — ещё трое. Серафим вышел из-за угла, прихрамывая, с окровавленным лицом, но живой.

К рассвету всё было кончено.

Деревня лежала в дыму и тишине. Три дома горели, бронетранспортёр дымился чёрным жирным дымом. На дороге и в домах — тела, которых Вихрь старался не считать.

Командир нашёл в штабе рацию, карту и документы — то, ради чего затевался весь штурм. Сложил всё в вещмешок, забросил на плечо.

— Уходим. Быстро. До подхода их подкрепления — может, час, может, меньше.

Отряд собрался у колодца. Из двадцати трёх — в строю девять. Раненых — шестеро. Старшина — без сознания, с осколком в боку. Его несли на плащ-палатке, и Вихрь каждые сто метров проверял, дышит ли.

Серафим подошёл к Вихрю. Лицо его было серым от усталости, но глаза — живые.

— Свой дом отбили, — сказал он, глядя на горящую Дубровку.

— Не наш, — ответил Вихрь. — Наш — ещё впереди.

И они ушли — на восток, в лес, в туман, навстречу тому, что ждало их за следующим холмом. Лёшка шёл рядом с дедом, и Вихрь видел, как мальчишка оглянулся в последний раз на деревню, где родился и вырос, — и не заплакал.

Глава 22

Рассвет подкрался незаметно — не ярким, торжественным светом, а серой, вязкой полумглой, когда небо будто не решается стать ни ночью, ни днём. Воздух был тяжёлый, пропитанный запахом гари, сырой земли и чего-то ещё, почти неуловимого, — запахом ожидания. Здесь тишина не была покоем: она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть от первого резкого звука.

Вихрь стоял у края окопа, вглядываясь в размытую линию лесополосы. Его пальцы крепко сжимали приклад автомата, но взгляд был не здесь, не на оружии, а где-то дальше, за горизонтом, где начиналась неизвестность. За спиной тихо переговаривались бойцы, кто-то глухо кашлял, кто-то шепотом просил прикурить. Но Вихрь не оборачивался: он знал эти голоса, знал, как дрожит у молодого Пушкаря голос, когда тот делает вид, что всё в порядке, как спокойно и размеренно отвечает ему старый сержант Котов, будто на дворе не война, а обычный полевой выход.

Рация щёлкнула, и резкий голос диспетчера ворвался в эту хрупкую тишину:

— «Гром», я «Центр». Подтверждаю: движение на участке 14–17. Три единицы техники, пехота до взвода. Держите сектор.

Вихрь кивнул, хотя его никто не видел, и поднёс микрофон к губам:

— «Центр», я «Гром». Принял. Держим.

Он опустил рацию и повернулся к своим. В глазах бойцов читался не страх — нет, страх тут давно стал привычным спутником, почти незаметным, как холод в костях. В их взглядах было другое: вопрос. Тот самый, который задают не словами, а молчанием, взглядом, едва заметным наклоном головы: «Что дальше?»

— Так, слушай сюда, — голос Вихря звучал ровно, без надрыва, но в нём была та самая твёрдость, которая заставляет людей верить, что всё будет в порядке, даже если никто этого не знает наверняка. — Пехота пойдёт через лесополосу, техника — по дороге. Мы их встретим на изгибе, где овраг. Там у нас преимущество. Котов, бери вторую группу, займите левый фланг. Пушкарь, ты со мной. Держи дистанцию, не рвись вперёд.

Пушкарь кивнул, сглотнул, но ничего не сказал. Вихрь заметил, как парень крепче сжал автомат, и на секунду ему захотелось сказать что-то простое, человеческое: «Не волнуйся, всё будет хорошо». Но он знал, что такие слова здесь звучат фальшиво. Вместо этого он коротко положил руку Пушкарю на плечо — лёгкое, почти незаметное прикосновение, означавшее: «Я рядом».

Они двинулись вперёд, прижимаясь к земле, сливаясь с серым фоном утра. Каждый шаг отдавался в груди глухим ритмом, каждый шорох заставлял замирать, прислушиваясь. Вихрь чувствовал, как напряжение стягивает мышцы, как время растягивается, превращаясь в тягучие секунды, в которых уместается целая жизнь.

Лесополоса встретила их тишиной, но эта тишина была обманчивой. Вихрь замер, подняв руку, и группа остановилась, растворившись в кустах и высокой траве. Он прислушался: где-то впереди, за изгибом дороги, глухо урчали моторы. Звук нарастал, становился ближе, реальнее.

— Готовьтесь, — прошептал Вихрь, и в этом шёпоте было больше командного тона, чем в любом крике.

Первая машина показалась из-за поворота — тяжёлая, угловатая, с тёмными силуэтами бойцов на броне. Вихрь прищурился, считая: один, два, три... Он ждал, пока они войдут в сектор обстрела, пока не станут не просто мишенями, а целью, которую можно поразить.

— Огонь! — его голос прозвучал резко, как удар хлыста, и тишина взорвалась треском выстрелов, криками, лязгом металла.

Бой вспыхнул мгновенно, как сухая трава под спичкой. Вихрь стрелял, не думая, действуя на автомате, чувствуя, как плечо отдаёт от отдачи, как горячий воздух обжигает лёгкие. Он видел, как Котов ведёт свою группу, как Пушкарь, забыв про страх, прикрывает товарищей, как земля взлетает фонтанами от разрывов.

Время потеряло смысл. Остался только ритм боя: выстрел, пауза, движение, снова выстрел. Вихрь перекачивался, менял позицию, кричал команды, стараясь удержать группу вместе, не дать ей рассыпаться под натиском. Он чувствовал, как адреналин гонит кровь, как мысли становятся чёткими и простыми: «сюда», «туда», «держи линию».

И вдруг, среди грохота и криков, он услышал новый звук — не выстрел, не взрыв, а чей-то голос, зовущий по имени:

— Вихрь! Вихрь, сзади!

Он резко обернулся и увидел фигуру в камуфляже, бегущую к нему, размахивающую рукой. Это был связист из соседней группы, лицо его было грязным, глаза расширенными.

— Приказ от командования! Отходим к точке «Бета»! Там подкрепление!

Вихрь на секунду замер, взвешивая решение. Отход в разгар боя всегда рискован, но если командование говорит «отходим», значит, есть причина. Он быстро оценил обстановку: группа держалась, но силы были на исходе, боеприпасы таяли, а противник не сдавал позиций.

— Отходим! — крикнул он, перекрывая грохот. — Котов, прикрывай! Пушкарь, держи строй! Двигаемся к точке «Бета» — быстро, но без паники!

Группа начала отходить, оттягиваясь назад, прикрывая друг друга короткими очередями. Вихрь шёл последним, оглядываясь, проверяя, чтобы никто не остался. Он видел, как тяжело даётся каждый шаг, как усталость ложится на плечи свинцовым грузом, но знал: главное — сохранить людей.

Когда они наконец добрались до точки сбора, Вихрь опустился на землю, прислонившись спиной к стволу дерева. Его руки дрожали, но не от страха, а от напряжения, от того, что наконец можно было выдохнуть. Рядом опустился Пушкарь, его лицо было бледным, но в глазах светилось что-то новое — не просто решимость, а уверенность в себе.

— Мы сделали это, — тихо сказал парень, будто сам себе не веря.

Вихрь криво усмехнулся и достал флягу. Сделал глоток, протянул её Пушкарю:

— Пока рано праздновать. Но да, мы выстояли.

Где-то вдалеке снова грохотали выстрелы, но здесь, на этой короткой передышке, было тихо. И в этой тишине Вихрь вдруг подумал о доме, о тех, кто ждёт, о письмах, которые он так и не успел написать. О матери, о сестре — о тех, ради кого он каждый раз возвращался на эту дорожку, сквозь вихрь огня и дыма, снова и снова.

Он закрыл глаза на секунду, позволяя себе эту слабость — просто побыть человеком, а не командиром. А потом снова поднялся, стряхнул грязь с плеч и посмотрел на своих бойцов.

— Перегруппируемся, — сказал он спокойно. — Скоро будет новый приказ. А пока — отдыхайте. Вы это заслужили.

И пока бойцы устраивались кто где мог, Вихрь снова вглядывался в горизонт, туда, где рассвет наконец пробивался сквозь серую пелену, обещая новый день. И он знал: этот день будет не легче предыдущего. Но они справятся. Потому что они — вместе.

Глава 23

Рассвет подкрался незаметно — серый, вязкий, будто выжатый из сырой ваты. Над полем висел тяжёлый туман, и даже привычный грохот далёкой артиллерии звучал приглушённо, словно кто-то накинул на мир толстое одеяло.

Вихрь стоял у края окопа, вглядываясь в белёсую пелену. Пальцы машинально теребили край разгрузки, пересчитывали застёжки — старая привычка, помогавшая не думать о том, что вот-вот начнётся. Рядом, прислонившись к земляной стене, сидел Лёха — молодой боец с веснушками, которые даже здесь, среди грязи и копоти, казались каким-то нелепым напоминанием о мирной жизни.

— Думаешь, они пойдут в лоб? — тихо спросил Лёха, не глядя на командира.

Вихрь чуть поморщился. Вопрос был из тех, на которые не хочется отвечать. Но врать он не умел, а пустые обещания здесь не работали.

— Скорее всего. У них тут перегруппировка, мы слышали по радио. Значит, будут давить там, где мы слабее. А слабее мы тут, — он кивнул в сторону низины, где вчера ещё держалась вторая группа, а теперь остались только воронки да обрывки проволоки.

Лёха кивнул, будто сам себе подтвердил что-то важное. Достал из кармана помятую фотографию — девочка лет семи, смеётся, держит в руках большого рыжего кота. Вихрь видел эту карточку уже не раз: Лёха смотрел на неё перед каждым выходом, будто проверял, ради чего ему вообще нужно возвращаться.

— Скажи честно, — снова заговорил парень, пряча снимок, — если нас тут зажмут, сколько у нас времени?

Вихрь помолчал. Он не любил считать минуты, когда речь шла о жизни. Но сейчас честность была важнее бережности.

— Минут двадцать, может, полчаса. Если повезёт — чуть больше. Потом они подтянут технику, и тогда тут будет не продержаться.

Лёха снова кивнул. На этот раз в его кивке не было ни страха, ни отчаяния — только холодная готовность.

В этот момент из тумана вынырнул связной — запыхавшийся, с мокрыми от росы рукавами.

— Товарищ командир, приказ из штаба! Нас просят удержать рубеж до подхода подкрепления. Подкрепление будет через час... ну, или около того.

Вихрь стиснул зубы. «Около того» на фронте могло означать и сорок минут, и три часа. А рубеж нужно держать прямо сейчас.

— Передай всем: позиции не оставлять. Пусть экономят боеприпасы, но и не дают им подойти ближе двухсот метров. И пусть Сашка с пулемётом держится у поворота — там самый удобный проход.

Связной кивнул и снова растворился в тумане.

Вихрь обернулся к Лёхе:

— Ты со мной. Пойдём проверим левый фланг. Там вчера кто-то видел движение.

Они двинулись вдоль окопа, пригибаясь, стараясь слиться с серой дымкой. Земля под ногами была рыхлой, пропитанной дождями, и каждый шаг отдавался глухим хлюпаньем. Где-то впереди, совсем близко, хрустнула ветка. Вихрь замер, вскинул руку, и Лёха тут же присел, потянувшись к автомату.

Тишина повисла на несколько долгих секунд, а потом из тумана раздался голос — негромкий, но отчётливый:

— Эй, свои! Не стреляйте!

Из белёсой завесы показалась фигура в пятнистой куртке — Сашка, тот самый пулемётчик, о котором только что говорили. Лицо у него было чёрным от копоти и грязи, а глаза — на удивление ясными.

— Там... там они, — выдохнул Сашка, указывая в сторону низины. — Я видел тени. Они ползут, не поднимая головы. Ещё минут десять — и будут у проволоки.

Вихрь быстро прикинул расстояние. Если противник уже у заграждений, значит, времени почти не осталось.

— Держи сектор, — коротко бросил он Сашке. — Если пойдут в атаку — бей по скоплению, не жди команды. Лёха, со мной — к наблюдательному пункту. Нужно срочно связаться со штабом, пусть ускорят подкрепление.

Они побежали, пригибаясь к земле, стараясь держаться за неровностями рельефа. Туман понемногу рассеивался, и сквозь редкие просветы уже пробивались первые лучи солнца — холодные, равнодушные, как будто не имеющие никакого отношения к тому, что здесь происходило.

На наблюдательном пункте радист сидел, склонившись над аппаратурой, и что-то бормотал себе под нос, пытаясь поймать сигнал.

— Есть связь? — резко спросил Вихрь.

Радист поднял глаза — в них читалась усталость пополам с отчаянием.

— Плохо. Помехи сильные. Но я пытаюсь. Может, через пять минут...

Вихрь выругался про себя. Пять минут на фронте — это вечность.

Он выглянул в щель, всматриваясь в линию горизонта. И вдруг увидел: там, где туман уже почти рассеялся, мелькнули тёмные силуэты. Много. Слишком много.

«Не успеем», — мелькнула мысль, но он тут же отбросил её. На войне нельзя думать о том, чего не можешь изменить. Можно только делать то, что должен.

— Готовься к бою, — тихо сказал он Лёхе, который стоял рядом, сжимая автомат так, что побелели костяшки пальцев.

И в этот момент тишину разорвал первый выстрел. За ним — второй, третий. Пулемёт Сашки застучал, как бешеный, перекрывая даже нарастающий гул приближающейся атаки.

Вихрь глубоко вдохнул, выдохнул и шагнул вперёд — туда, где начинался бой.

Глава 24

Пулемёт Сашки гремел где-то справа, разрывая тишину на острые, звенящие куски. Вихрь прижался к сырой стенке окопа, на секунду прикрыл глаза — и вдруг вместо дыма, гари и серой пелены перед внутренним взором вспыхнуло совсем другое.

Лето. Тёплое, густое, пахнущее скошенной травой и нагретым хлебом. Маленький двор в тихом городке, покосившийся забор, а за ним — клумбы с бархатцами, которые мама сажала каждый год, будто без них лето не считалось настоящим. Он тогда был мальчишкой, лет двенадцати, бегал босиком по горячей пыли, смеялся над чем-то пустяковым, а мама стояла у крыльца, щурилась на солнце и улыбалась. В её улыбке было столько покоя, что казалось — никакой беды в мире быть не может.

«Не гони так, успеешь ещё набегаться!» — говорила она, вытирая руки о передник. А он всё равно мчался куда-то, потому что впереди было бесконечное лето, и каждый день обещал что-то новое.

Вихрь сжал кулаки, возвращаясь в реальность. Здесь не было ни солнца, ни бархатцев, ни маминой улыбки. Здесь был окоп, сырая глина, запах пороха и тяжёлый, липкий страх, который пытался пробраться под кожу. Но именно воспоминание о том лете вдруг дало ему ту самую опору, без которой на войне не выжить.

Рядом, тяжело дыша, присел Лёха. В глазах у парня мелькнуло что-то похожее на отчаяние, но он тут же спрятал его, стиснув зубы.

— Командир... а если не удержим?

Вихрь посмотрел на него не как командир, а как тот мальчишка из прошлого, который тоже когда-то боялся, что лето закончится, а мир станет другим.

— Удержим, — твёрдо сказал он, хотя сам не до конца верил в эти слова. — Ты только помни, ради чего держишь автомат. Не ради приказа, не ради наград. Ради того, чтобы кто-то где-то мог снова стоять у крыльца и улыбаться, как будто никакой войны нет.

Лёха чуть заметно кивнул, будто цепляясь за эти слова, как за спасательный трос. Достал из кармана ту самую фотографию девочки с рыжим котом, быстро глянул на неё, спрятал обратно. И вдруг тихо, почти шёпотом, заговорил:

— Она мне письма писала. Ну, сестра. Ей тогда семь было, она ещё буквы не все знала, писала с ошибками. Но каждое письмо начиналось одинаково: «Дорогой братик, я тебя жду». И знаешь, что самое странное? Я эти письма наизусть выучил. Даже сейчас, когда всё кругом грохочет, я их про себя читаю. Как молитву.

Вихрь чуть наклонил голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними. И в этот миг ему вдруг стало ясно: вот она, та самая сила, которая держит людей на краю пропасти. Не приказы, не уставы, не страх наказания. Просто чьи-то детские письма, мамина улыбка, рыжий кот на старой фотографии.

Где-то совсем близко рвануло, земля дрогнула, и окоп будто вздохнул всей своей тяжестью. Лёха инстинктивно пригнулся, но тут же выпрямился, крепче сжимая автомат.

— Я готов, — сказал он уже другим голосом — спокойным, собранным.

Вихрь кивнул.

— Тогда держим рубеж. Пока держим.

И они снова шагнули в грохот боя, унося с собой свои воспоминания, как самое дорогое, что у них осталось.

Глава 25

Угледар Рассвет подкрался незаметно — не тёплым золотистым светом, а серой, вязкой полумглой, когда небо будто сливается с землёй, и не разобрать, где кончается дым, а где начинается туман. В Угледаре тишина была не мирной, а насторожённой: она звенела в ушах, как натянутая струна, готовая лопнуть от первого выстрела. Вихрь стоял у края разрушенного подъезда, прислонившись плечом к раскрошенному кирпичу. В пальцах он сжимал потрёпанную фотографию — на ней улыбалась мама, а рядом, чуть боком, стояла младшая сестра. Он не помнил, сколько раз уже смотрел на этот снимок, будто надеялся, что там, за рамкой, всё ещё спокойно, будто война не успела дотянуться до их дома. Рядом тихо кашлянул сержант Громов, поправляя ремень автомата:— Командир, разведка докладывает: в квартале западнее — засада. Небольшая группа, но держат перекрёсток плотно. Без прикрытия не пройти. Вихрь кивнул, не отрывая взгляда от улицы. Дома здесь стояли, как израненные великаны: с выбитыми окнами, с проломами в стенах, с торчащими арматурными прутьями, похожими на сломанные кости. Каждый метр был ловушкой, каждый угол — возможной смертью.— Значит, будем делать так, — проговорил он, наконец убирая фото в нагрудный карман, поближе к сердцу. — Мы не можем обойти. Значит, надо заставить их думать, что мы идём с другой стороны. План сложился быстро — в таких местах планы всегда рождаются на ходу, из усталости, из опыта, из понимания, что времени на долгие размышления нет. Вихрь распределил бойцов: одна группа должна была создать видимость движения на северной окраине, другая — ждать сигнала, чтобы ударить с фланга. Сам он собирался идти в первой тройке, там, где риск был самым большим. Когда они выдвинулись, город будто затаил дыхание. Шаги по битому стеклу и щебню звучали оглушительно громко, и каждый из бойцов старался ступать тише, хотя понимал: тишина здесь — иллюзия. На перекрёстке всё началось внезапно: короткая очередь, свист пуль, резкий крик, оборвавшийся на полуслове. Вихрь упал на колени, прикрываясь обломком бетонной плиты, и тут же дал короткую очередь в ответ. В голове мелькнуло: «Только бы ребята успели». Бой длился, казалось, вечность, хотя на деле прошло всего несколько минут. Потом вдруг стало тише — не сразу, а постепенно, как будто звук стекал с улиц, оставляя после себя только запах гари и пыли. Громов подполз к Вихрю, тяжело дыша:— Прошли. Перекрёсток наш. Вихрь медленно поднялся, отряхивая колени от пыли. Он не чувствовал ни радости, ни облегчения — только тупую, выматывающую усталость, которая въелась в кости. Он снова достал фотографию, посмотрел на неё и тихо сказал, скорее себе, чем кому-то ещё:— Мы вернёмся. Обязательно. И, сунув снимок обратно, шагнул вперёд — туда, где дорога снова становилась фронтальной, а впереди ждал новый день, новые решения и новые потери.

Глава 25(продолжение)

Момент короткой передышки

После боя перекрёсток будто выдохнул: напряжение, висевшее в воздухе, понемногу рассеивалось, уступая место тяжёлой, звенящей тишине — такой, какую слышишь только после стрельбы, когда уши ещё ловят отголоски грохота, а тело никак не может поверить, что опасность чуть отступила.

Бойцы рассредоточились у стен, кто-то присел на обломок бетонной плиты, кто-то просто сполз по кирпичной кладке, не тратя сил на лишние движения. Вихрь стоял чуть в стороне, прислушиваясь к себе: руки не дрожали, но внутри всё было натянуто, как струна, которую слишком долго держали в напряжении.

Громов подошёл, держа в руках флягу. Протянул её Вихрю:

— Пей. Хоть пару глотков.

Вихрь качнул головой:

— Сначала ребята.

— Ребята уже пьют, — спокойно возразил Громов. — А ты — командир. Тебе первым надо силы вернуть.

Вихрь не стал спорить. Взял флягу, сделал несколько коротких глотков, вернул. Вода была тёплой, с металлическим привкусом, но сейчас она казалась самой вкусной на свете.

Рядом, у покосившегося дверного проёма, сидел молодой боец — тот самый, что ещё вчера впервые шёл в связке с группой. Он держал в руках кусок сухаря и смотрел на него так, будто это был не чёрствый хлеб, а что-то невероятно ценное. Вихрь подошёл к нему, присел рядом:

— Держи ещё, — он протянул свой паёк.

Боец замотал головой:

— Не надо, товарищ командир... Я и так...

— Бери, — тихо, но твёрдо сказал Вихрь. — Сегодня ты держался молодцом. На перекрёстке не растерялся. Это дорогого стоит.

Парень взял паёк, опустил глаза, будто стесняясь благодарности, и тихо пробормотал:

— Спасибо... Я просто... боялся, что подведу.

Вихрь положил ему руку на плечо — легко, без нажима:

— Ты не подвёл. А бояться — нормально. Главное, что ты шагнул вперёд, когда надо было. Этого достаточно.

На несколько минут воцарилась тишина, нарушаемая только редкими вздохами, шуршанием упаковки, тихим перешёптыванием. Кто-то достал из кармана помятую фотографию, кто-то тихо напевал себе под нос старую песню, которую, наверное, слышал от отца.

Вихрь отошёл к углу дома, где тень была гуще, и снова достал свою фотографию. Мама улыбалась, сестра стояла чуть боком, будто собиралась убежать, и в этом жесте было столько жизни, столько обычного, мирного озорства, что у Вихря на мгновение сжалось сердце. Он провёл пальцем по стеклу, будто хотел дотронуться до их лиц, и прошептал:

— Ещё немного. Совсем немного.

Громов встал рядом, не глядя на снимок, но понимая, о чём сейчас думает командир:

— Скоро ротация. Нам дадут хотя бы сутки на отдых.

— Сутки — это много, — усмехнулся Вихрь, убирая фото обратно. — Мне бы часа три, чтобы просто не думать ни о приказах, ни о картах, ни о том, куда мы пойдём дальше.

— Три часа — тоже неплохо, — кивнул Громов. — Иногда именно этого и не хватает. Чтобы просто посидеть, послушать, как ветер шумит, и поверить хоть на минуту, что всё будет хорошо.

Ветер и правда гулял по разбитым улицам, ворошил пыль, шевелил обрывки бумаги, зацепившиеся за арматуру. В этом шуме было что-то почти мирное — будто город, израненный и уставший, тоже хотел немного отдохнуть.

Где-то вдали снова глухо хлопнуло, и все невольно напряглись, но звук был далёким, не здешним. Вихрь поднял голову, прислушался, потом медленно выдохнул:

— Пока спокойно. Пусть ребята посидят ещё немного. Пусть соберут силы.

Он оглядел своих бойцов — каждого по очереди, как делал всегда, проверяя, все ли целы, все ли на месте. И в этот короткий миг, среди руин и пепла, среди усталости и тревоги, он вдруг почувствовал то, что редко позволял себе чувствовать: гордость за этих людей. За то, что они держатся. За то, что идут вперёд. За то, что остаются людьми даже там, где всё вокруг кричит о войне.

— Через двадцать минут выдвигаемся, — негромко сказал он, обращаясь ко всем сразу. — Пока отдыхайте. И... берегите себя.

И снова сел в тень, прислонился спиной к стене и закрыл глаза — всего на минуту. Просто чтобы дать себе право на эту короткую передышку, на этот крошечный островок тишины посреди бесконечного вихря.

Глава 26

Ночь выдалась на редкость тихой — такой, что каждый шорох казался криком. После штурма Дубровки и тяжёлого перехода к Угледару бойцы словно боялись нарушить эту хрупкую тишину: двигались бесшумно, говорили вполголоса, будто любой громкий звук мог снова обрушить на них грохот боя.

Вихрь сидел у потухшего костра, обхватив колени руками. Перед глазами всё ещё мелькали вспышки разрывов, слышались крики, треск автоматных очередей — привычная фронтальная карусель, которая никак не хотела останавливаться даже здесь, в редкой минуте затишья. Он знал: это ненадолго. Война не умеет отдыхать по расписанию.

Рядом, прижавшись плечом к холодному стволу дерева, дремал молодой боец по прозвищу Лис. Он был новеньким в группе, но уже успел показать себя: в Дубровке вытащил из-под завала двоих, не думая о собственной безопасности. Вихрь поглядывал на него и думал, что такие, как Лис, держатся не на злости и не на ненависти, а на какой-то упрямой, почти детской вере, что всё ещё можно исправить.

— Не спится? — тихо спросил Лис, не открывая глаз.

Вихрь усмехнулся:

— Привык, что тишина — это ловушка.

Лис приподнялся на локте, посмотрел на тёмное небо, где сквозь рваные облака проглядывали редкие звёзды:

— А мне кажется, она просто устала. Война. Как человек. Ей тоже нужно передохнуть.

Вихрь хотел было возразить, сказать, что войне не бывает ни усталых, ни добрых минут, но вдруг поймал себя на том, что ему хочется поверить в эту наивную мысль. Пусть хоть на пять минут.

Где-то вдалеке коротко пролаяла собака — звук донёсся странно отчётливо, будто мир стал прозрачным. Вихрь напрягся, прислушался. Тишина снова качнулась, как натянутая струна.

И тут из темноты вынырнул связной — запыхавшийся, с мокрым от дождя лицом. Он протянул Вихрю сложенный вчетверо листок:

— Приказ. Срочно. Новая точка. Через час выдвигаться.

Вихрь развернул бумагу. Строчки плясали перед глазами, складываясь в привычные, но от этого не менее тяжёлые слова: координаты, время, задача. Ещё один рубеж. Ещё одна дорога.

Он поднял голову, посмотрел на своих. Кто-то чинил ремень, кто-то проверял магазин, кто-то просто сидел, опустив голову, сберегая силы для следующего шага.

«Ещё немного, — подумал Вихрь. — Ещё совсем чуть-чуть, и снова вперёд».

— Подъём, ребята, — негромко, но твёрдо сказал он, убирая листок в нагрудный карман.

— У нас снова есть работа.

Лис поднялся первым, быстро, по-лисий ловко, застегнул куртку:

— Значит, тишина закончилась.

Вихрь кивнул. И, прежде чем шагнуть в темноту, на секунду задержался, словно хотел запомнить эту минуту — редкую, почти невозможную минуту покоя среди бесконечного вихря войны.

Глава 27

Рассвет пришёл не с ти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.